

Н. Ю. Смирнов
ИИМК РАН
Санкт-Петербург

Археолог Алексей Владимирович Мачинский

*«Фамилия Мачинского вызывает у меня воспоминания
о погибшем в прошлую войну друге, очень талантливом
молодом учёном, который ещё не успел проявить своё дарование
во всей полноте заложенных в нём возможностей»*

М. И. Артамонов. Из отзыва на дипломную работу Д. А. Мачинского

*«Ваш отец был очень умный человек,
я только сейчас осознал, что он уже тогда
понимал глубже всех нас, что происходит в стране»*

И. И. Ляпушкин. Из частной беседы с Д. А. Мачинским

Мысль написать небольшое биографическое исследование об отце Дмитрия Алексеевича Мачинского пришла ко мне достаточно внезапно, но этому без сомнения предшествовали несколько важных событий.

В первую очередь, выступление Людмилы Александровны Иволгиной на конференции 2013 г. в Старой Ладогe, в котором она напомнила всем собравшимся, что археологами были не только Анна Мачинская и её отец Дмитрий Алексеевич Мачинский, но и её дед, Алексей Владимирович Мачинский, погибший во Вторую мировую войну. И поэтому было бы уместным расширить название традиционных декабрьских памятных чтений до трёх имен. Вторым событием стала вышедшая в 2014 г. книга Дмитрия Алексеевича «Сага об Анне», во вступительной части которой он писал, что «именно А. В. Мачинский положил основание короткой — из трёх поколений — династии археологов» (Мачинский 2014: 8). Наконец памятные чтения 2015 г. оказывались своего рода юбилейными — XX-ми, и в том же году исполнялось 105 лет со дня рождения А. В. Мачинского. Поэтому, когда пришла пора определиться с темой выступления на чтениях этого года, она сама не замедлила явиться мне со всей очевидностью.

Уже после этого состоялись несколько важных разговоров с Л. А. Иволгиной, которая любезно передала мне для настоящей работы некоторые фотографии А. В. Мачинского, а также ряд сохранившихся в семейном архиве его писем, адресованных в основном однокурснику, другу и коллеге — А. П. Круглову, а также жене — Н. А. Винберг.

Немного времени занял поиск литературы об А. В. Мачинском — её оказалось совсем мало. Это краткие упоминания биографического характера в статье о Н. А. Винберг (Заднепровская и др. 2002: 382), в уже цитировавшейся «Саге об Анне» (Мачинский 2014: 8) и в книге «Академическая археология на берегах Невы...» — первом сводном труде по истории РАИМК НКП – ГАИМК НКП – ИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН (Академическая археология...: 123, 126, 129, 366, рис. 83, 7). Более пространные сведения, с развёрнутыми биобиблиографическими данными и анализом научной деятельности А. В. Мачинского в области этнографии Америки имеются в нескольких работах по истории этнографии в СССР (в т. ч. Решетов 1995: 3–5; Корсун 2010: 56–58; 2015: 318–320 и др.). В них в основном описан период работы А. В. Мачинского в Институте антропологии и этнографии АН СССР. Есть ещё несколько кратких упоминаний его имени в контексте исследований древностей Кавказа и Америки (Лебедев 1992: 426; Страницы... 1992: 27), и Дальнего Востока (Новиков-Даурский 1961: 14; Нестеров и др. 2015: 64). В археологической литературе особняком стоит статья Е. И. Деревянко¹, где публикацию материалов из раскопок А. В. Мачинского предваряет пространная биографическая справка с цитатами из его писем к сотруднику Амурского областного музея, краеведу Г. С. Новикову-Даурскому о раскопках у с. Черемхово в 1940 г. (Деревянко 1961: 287–288). Пожалуй, это и всё.

Больше времени заняла работа в архивах. основополагающие архивные материалы, связанные с жизнью и научными занятиями А. В. Мачинского, находятся в двух местах: в Научном архиве ИИМК РАН (личное дело 1932–1936 гг. и отчёты и переписка, связанные с экспедициями на Кавказ и раскопками на Дальнем Востоке в 1936–1940 гг.) и в Санкт-Петербургском филиале Архива АН (личное дело 1935–1939 гг.). Важные данные о А. В. Мачинском и его семье удалось обнаружить в ЦГА СПб, в Отделе газет и Отделе рукописей РНБ и в ГАРФ.

Кое-что принесли поисковые запросы в сети Интернет. Ряд электронных ресурсов содержал информацию о судьбе семьи А. В. Мачинского — его родителях и старших братьях.

Ниже, используя в полной мере все доступные на данный момент источники, я постараюсь воссоздать линию жизни и научных трудов археолога Алексея Владимировича Мачинского, основателя «короткой», но заметной в русской археологии династии учёных.

---

¹ Та же информация приводится Е. И. Деревянко и в вышедшей позднее монографии (Деревянко 1975: 17–18). По сведениям Е. И. Деревянко письма А. В. Мачинского к Г. С. Новикову-Даурскому впоследствии были переданы последним А. П. Окладникову и хранились у него (Там же: 18).

Алексей Владимирович Мачинский (рис. 1) появился на свет 16 марта 1910 г. в Калуге, в русской дворянской семье (Личное дело... 1932–36 гг.: 17). Его отец — Владимир Матвеевич Мачинский, родившийся в 1851 г., за десять лет до отмены в России крепостного права, получил высшее техническое образование и специальность инженера технолога, и с 1885 г. служил в Министерстве путей сообщения (Заявление 1935 г.). В этот период он занимал должность начальника службы тяги Сызранско-Вяземской железной дороги (Памятная книжка... 1910: 20). Как и многим служащим Министерства путей сообщения, ему часто приходилось менять место жительства в зависимости от смены должностей и подведомственных участков российских железных дорог. Если к 1904 г. В. М. Мачинский числился старшим ревизором службы тяги Николаевской железной дороги, то уже в ноябре этого года он был отправлен на строящуюся последние два десятилетия Оренбургско-Ташкентскую железную дорогу, где занял должность начальника службы тяги (Железнодорожник, 1904: 15). В феврале 1905 г. он становится уже вторым заместителем начальника дороги, а в апреле 1906 г., по всей вероятности в связи с окончанием строительных работ, среди прочих начальствующих лиц высочайшим приказом награждается орденом Св. Станислава 2-ой степени (Железнодорожник 1905: 10; 1906: 8). Судя по дальнейшим достаточно скудным данным, его продвижение по службе шло успешно, так как в 1915 г. он с семьёй снова оказывается в столице уже в чине статского советника, живёт на служебной (?) квартире в Безымянном переулке² в Царском Селе и продолжает служить в Министерстве путей сообщения в должности начальника материальной службы Северо-Западной железной дороги (Весь Петроград... 1915: 421; 1917: 441). Примечательно, что на десять лет раньше, по соседству с домом №7 по Безымянному переулку, где с 1915 г. жила семья В. М. Мачинского, в доме Шухардиной на углу того же Безымянного и улицы Широкой проживала семья другого инженера-железнодорожника — А. А. Горенко. Позже, в своих воспоминаниях Анна Андреевна Ахматова так опишет это место: *«По Безымянному переулку ездили только гвардейские солдаты (кирасиры и гусары) за мукой в свои провиантские магазины, которые находились тут же, поблизости, но уже за городом. Переулок этот бывал занесен зимой глубоким, чистым, не городским снегом, а летом пышно зарастал сорняками — репейниками, из которых я в раннем детстве лепила корзиночки, роскошной крапивой и великолепными лопухами... По одной стороне этого переулочка домов не было, а*

---

² Выбор квартиры на окраине Царского Села мог быть связан с её близостью к железной дороге и вокзалу. На это указывает и тот факт, что на углу Широкой улицы и Безымянного переулочка и в ряде домов по самому переулочку жили и другие служащие Министерства путей сообщения, например, семья надворного советника А. А. Горенко, служившего в тот момент по этому ведомству (Ахматова 2001: 168–169).

тянулся, начиная от шухардинского дома, очень ветхий, некрашеный дощатый глухой забор» (Ахматова 2001: 168–169).

Мать Алексея Владимировича, Ольга Константиновна Мачинская³, сведения о которой ещё более скупы, родилась в 1872 г., получила высшее образование и преподавала в гимназиях (Заявление 1935 г.).

Алексей Владимирович был младшим из трёх братьев, родившихся в семье Мачинских. К этому моменту его отцу было 59 лет, матери — 38. Первенцу и старшему сыну — Владимиру, родившемуся во второй половине 1890-х или самом начале 1900-х годов (Там же), было от десяти до четырнадцати лет, а среднему, Матвею, и того меньше — он появился на свет в 1907 г. ещё в Оренбурге (Ковалевский 1971: 151; Жизнеописание...: 1). По всей видимости, после оренбургского и калужского периодов жизни семья окончательно перебирается в Петербург. Мачинские живут в Царском, а затем, с 1918 г., Детском Селе. Старший сын, Владимир, в 1915 г. заканчивает Императорскую Царскосельскую Николаевскую гимназию (рис. 2) с серебряной медалью (Выпуск...: №11). Матвей и Алексей заканчивают уже Первую Единую Трудовую Детскосельскую школу. Алексей учится в ней с 1918 по 1927 г. (Жизнеописание...: 1; Личное дело... 1932–36 гг.: 15).

Первое пореволюционное десятилетие судьба семьи складывается благополучно. В 1918 г. Мачинские проживают уже в доме №12 по улице Широкой в Детском Селе, а глава семьи вынужден выплачивать чрезвычайный революционный налог. Первоначальная сумма налога в 16039 рублей 19 копеек была сокращена до 5000 рублей, а затем до 2000 рублей, в виду того, что плательщик «служ[ащий], друг[их] ист[очников] нет». К 6 февраля 1919 г. налог был уплачен (Детскосельский горсовет...: 25). Владимир Матвеевич Мачинский, как опытный инженер, привлекается к работе в советских учреждениях и служит до 1928 г. в Правлении Северо-Западных железных дорог, после чего отправляется в отставку и становится персональным пенсионером. Ольга Константиновна Мачинская до выхода на пенсию в 1929 г. продолжает преподавать в средних школах Ленинграда, также работает воспитательницей (Заявление 1935 г.; Личное дело... 1932–36 гг.: 17).

Старший сын Владимир после революции устраивается на работу в Ленинграде, где преподаёт историю в средней школе (Семья Мачинских...; Анциферов...: 2⁴). В 1924–

---

³ В девичестве — Платонова. В личном листке по учёту кадров в 1938 г. А. В. Мачинский указывает, что у его матери есть родной брат — Александр Константинович Платонов, который «выехал за границу ок[оло] 1906 г.» и проживает «в г. Корунда в Австралии» (Личное дело... 1935–1939: 1–2 об.). Видимо, речь идёт о г. Корунда в австралийском штате Новый Южный Уэльс.

25 гг. он посещает занятия по подготовке экскурсоводов, организованные сотрудниками Экскурсионной секции Музейного отдела Главискусства, среди которых особую роль играет Николай Павлович Анциферов (Протокол допроса...: 2). Позднее, в 1959 г. Владимир напишет о нём краткие, но очень тёплые воспоминания (Анциферов...: 1, 2).

Неожиданное продолжение эти невинные занятия в кружке получили в 1931 г., когда ОГПУ сфабриковало дело контрреволюционной монархической организации «Всенародный Союз Борьбы за Возрождение Свободной России». В связи с ним были арестованы, осуждены и подвергнуты различного уровня репрессиям от ареста и заключения до высылки на поселение многие из организаторов и участников работы краеведных и экскурсионных организаций Ленинграда. Среди тех лиц, кого привлекли к ответственности по этому делу, но не смогли доказать прямое участие упоминались, например, Н. П. Анциферов и Г. И. Боровка. В итоге было сфабриковано новое дело «контрреволюционной группировки экскурсоводов» Экскурсбазы г. Ленинграда, среди руководства которой числились Н. П. Анциферов, И. М. Гревс, Г. Э. Петри, Н. В. Вернерт, его жена Я. А. Вернерт-Влядих, из допроса которой мы и узнаём об участии Владимира Мачинского в кружке слушателей курсов экскурсоводов, *«разделявших политические и методологические установки»* контрреволюционной группировки. Укажу, что в том же списке упоминается имя А. В. Банк (Протокол допроса...: 1–3). Своё участие в «летних курсах руководителей экскурсий по дворцам-музеям», которые вёл Н. П. Анциферов, подтверждает в воспоминаниях⁵ 1959 г. и сам В. В. Мачинский (Анциферов...: 2).

Не исключено, что именно это позже привлекло к Владимиру внимание НКВД (вспомним его характеристику из протокола допроса Я. А. Вернерт-Влядих!). И в марте 1935 г. он был выслан из Ленинграда в село Николаевка Пригородного района Куйбышевской области сроком на пять лет⁶. Вместе с ним, 18 марта того же года в ссылку

---

⁴ Приношу благодарность хранителю архива Н. П. Анциферова, его внуку М. С. Анциферову, любезно предоставившему доступ к интересовавшим меня документам.

⁵ Это очень краткие воспоминания о том, какое незабываемое впечатление на молодого школьного преподавателя произвёл Н. П. Анциферов и его метод «воссоздания картин прошлого». По понятным причинам в тексте воспоминаний нет отсылок к тем трагическим последствиям, которые наступили для руководителей и участников краеведного движения в конце 1920-х гг.

⁶ С другой стороны, особой вины за В. В. Мачинским могло и не числиться — достаточно было его дворянского происхождения. Показательна судьба некоторых его соучеников по гимназии, выпустившихся в том же 1915 г.: сын генерал-майора царской армии М. А. Дитерихс — расстрелян в 1920 г. в Красноярске, как офицер армии Колчака (Дитерихс...), его родные братья и мать были высланы весной 1935 г. на пять лет из Ленинграда (Выпуск...: №4); военный инженер, бывший граф С. В. Шуленбург в 1921 г. был расстрелян вместе с Н. С. Гумилёвым по делу «Петроградской боевой организации» (Выпуск...:

были отправлены его родители — отец, Владимир Матвеевич, 84-х лет и мать — Ольга Константиновна, 63-х лет (Заявление 1935 г.). Общие обстоятельства и причины высылки старшего брата и престарелых родителей Алексея Владимировича Мачинского очевидны — они попали в печально знаменитый «Кировский поток». После убийства Кирова в декабре 1934 г. и чистки ленинградского партийного аппарата, в начале 1935 г. стартовал процесс выселения из Ленинграда и области «чуждых элементов» и в первую очередь дворян, в результате которого административной высылке подверглись около сорока тысяч человек. Обрушившиеся на семью лишения подкосили здоровье престарелого отца Алексея Владимировича и он скончался уже летом 1935 г. в Куйбышеве (Там же). Из письма Алексея своему университетскому другу Андрею Круглову известно, что он ездил на поминки по отцу в начале августа 1935 г. (Письмо от 14 июля 1935 г.: 1⁷).

Судьба Ольги Константиновны Мачинской не очень ясна. Известно, что она ещё в 1935 году, сразу после смерти мужа, подала прошение в НКВД: *«Прошу рассмотреть дело о моей высылке в г[ород] Куйбышев, состоявшейся 18/III 35 г[ода]. Выслан был мой сын Владимир Владимирович, меня же с мужем присоединили к нему, как членов семьи. Муж мой Владимир Матвеевич служил и при Советской власти на транспорте всего лет 50 и был персональным пенсионером около 10 л[ет] (ему было 84 г[ода]). По прибытии в г[ород] Куйбышев он вскоре умер. Я тоже пенсионерка, мне 63 г[ода], бывшая преподавательница. При высылке нам было объявлено, что паспорта и пенсия нам обоим сохраняется, но при прописке нам вместо паспортов дали свидетельство административно ссыльных, а что касается пенсии, то я до сих пор не получаю ответа на запрос через Страховую кассу. Не зная за собой никакой вины, я убедительно прошу дать мне право вернуться на прежнее место жительства и получать пенсию».* (Заявление 1935 г.). Позднее она обращалась за помощью в Помполит к Е. П. Пешковой и М. Л. Винаверу (Семья Мачинских...).

Старший брат пережил репрессии и в конце 1950-х гг. проживал в пос. Снегирь в Московской области (Анциферов...: 1). Есть скудные сведения о его общении с Дмитрием Алексеевичем Мачинским после 1959 г. (устное сообщение Л. А. Иволгиной). Среднего и младшего брата высылка обошла стороной, вероятно, лишь в силу их возраста или

№23); профессор Ленинградской консерватории, бывший барон Б. А. Крюденер-Струве с семьёй выслан в 1935 г. в Саратов, правда, в виду благонадёжности, в том же году возвращён обратно (Выпуск...: №9).

⁷ Здесь и далее под наименованием «Письмо от...» приводятся ссылки на письма А. В. Мачинского из личного архива Д. А. Мачинского.

простого везения, так как Алексей Владимирович Мачинский не скрывал своего дворянского происхождения⁸, указывая его в анкетах (Личное дело... 1932–1936 гг.: 15).

Жизнь и занятия среднего и младшего сыновей Владимира Матвеевича Мачинского на протяжении 1920-х и начала 30-х годов достаточно тесно связаны, о чём можно судить из упоминания «брата» (по всей вероятности именно среднего, Матвея) в переписке Алексея с Андреем Кругловым, относящейся ко времени обучения в университете и касающейся посещения занятий А. А. Миллера, а также по некоторым пересечениям их биографий и научных интересов (Письмо от 1 июня 1929 г.: 1 об.; Жизнеописание...: 1).

После окончания школы Алексей Мачинский поступает в 1927 г. на «отделение Древнего мира» факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ (ЯМФАК), а заканчивает учиться уже на отделении Истории материальной культуры Ленинградского Государственного Историко-Лингвистического Института (ЛИЛИ), где получает специальность по направлению «История Древнего Востока». Связано это было с тем, что на время его учёбы пришлось значительные административные изменения в структуре гуманитарных факультетов ЛГУ (Тихонов 2003: 151–157).

Впечатляет список теоретических дисциплин, прослушанный студентом Мачинским. Среди них: «Введение в изучение истории материальной культуры»; «История Средиземноморья в древности»; «История материальной культуры и Древнего Востока»; «История материальной культуры Месопотамии»; «История материальной культуры древнего Ирана»; «Доисторическая археология (каменный век)»; «Материальная культура Передней Азии»; «Археологическая технология»; «Археологические разведки и раскопки»; «Материальная культура ранних кочевников» и многое другое (Личное дело... 1935–39 гг.: 3–4 об., 5–7).

Во время обучения на ЯМФАК'е, в 1928 и 1929 годах Алексей приобретёт первые навыки полевой археологической работы в Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК, под руководством А. А. Миллера (Личное дело... 1932–1936 гг.: 17). Возможно, именно эти ранние студенческие впечатления и определяют интерес А. В. Мачинского к археологии Северного Кавказа. На снимках той поры присутствуют не только три друга: студенты А. В. Мачинский, А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, но и целый ряд лиц, впоследствии повлиявших на вектор развития советской археологии — М. И. Артамонов, П. И. Борисковский, А. А. Иессен, Б. Б. Пиотровский, П. Н. Шульц... (рис. 3, 4).

---

⁸ В отличие от среднего брата, Матвея Мачинского, который был не так прямолинейно откровенен, и в анкетах указывал, что происходит из мещан (Личное дело М. В. Мачинского...: 2–3).

15 января 1931 г. Алексей заканчивает обучение, после чего ему присваивают квалификацию научного работника II разряда в области Истории Древнего Востока и специальность музееведа (Личное дело... 1935–39 гг.: 3–4 об.).

Чуть раньше начинает свою научную карьеру средний брат — Матвей Мачинский. В 1926 г. (по другим сведениям в 1927 г.) он сдаёт экстерном экзамены по программе Высших курсов искусствоведения при Государственном институте истории искусств и избирается научным сотрудником 2-го разряда того же института по специальности «акустика» (Жизнеописание...: 1, 1 об.; Личное дело М. В. Мачинского...: 2). Его интересы весьма разносторонни: колебания струны в электромагнитном поле; вопросы общей теории музыки и её физико-математического обоснования; объективная фиксация музыкального материала для нужд музыкальной этнографии; интерференции (комбинационные тона) высоких порядков и так далее (Жизнеописание...: 1, 1 об.). В 1929 г. Матвей (?) и Алексей вместе посещают занятия А. А. Миллера для студентов ЯМФАК'а (Письмо от 1 июня 1929 г.: 1 об.). С младшим братом их объединяет интерес к древнеегипетской музыке. В 1928 г. Матвей пишет статью «О возможностях реконструкции древнеегипетской музыки», которая остаётся в рукописи (Жизнеописание...: 1 об.). Семью годами позже выходит статья Алексея «К вопросу о древнеегипетском музыкальном строе», расчётная часть которой, основана на исследованиях брата (Личное дело... 1935–39 гг.: 18; Мачинский 1935б: 22, прим. 2).

В 1920-е и начале 30-х годов Матвей Мачинский является сотрудником нескольких институтов, лабораторий и обществ — Государственного института истории искусств, Физико-Математического института АН СССР, Телефонной лаборатории профессора Коваленкова при Электротехническом Институте, Физико-Технического института, Комиссии народной музыки при Этнографическом Отделении РГО (Жизнеописание...: 1 об.). В 1928 и 1929 годах он числится внештатным сотрудником ГАИМК'а в составе недолговечной Комиссии (по другим данным, Секции) теории и истории музыки⁹ (Личное дело М. В. Мачинского...: 2–3, 82). Таким образом, Матвей

---

⁹ О том, что в 1928–29 гг. Матвей Мачинский имел отношение к ГАИМК известно из нескольких источников. Во-первых, это данные его анкет и трудовой книжки, сохранившихся в личном деле (Личное дело М. В. Мачинского...: 2–3, 82). Во-вторых, это записи в Журнале заседаний Совета ГАИМК за 1928 и 29 годы о создании Комиссии по теории и истории музыки по «ходатайству группы научных работников», где М. В. Мачинский упоминается в ряду участников Комиссии, и данные отчётов ГАИМК за те же годы (Протоколы заседаний... : 12 об, 13, 16 об., 17; О деятельности Академии... 1928: 334, 334 об.; О деятельности Академии... 1929: 28, 29, 172–175). Видимо этим объясняется наличие краткого «Жизнеописания» М. В. Мачинского в научном архиве ИИМК РАН (Жизнеописание...), которое по косвенным данным относится к 1928 г.

Мачинский первым появляется в том учреждении, с которым через четыре года свяжет свою жизнь его младший брат — Алексей Мачинский.

В конце 1920-х гг. Матвей Мачинский участвует в знаменитом семинаре Я. И. Френкеля в Физтехе (рис. 5) совместно с Л. Д. Ландау, Г. А. Гамовым, Д. Д. Иваненко¹⁰ и другими (Сарданашвили, 2010: 257, внизу; Френкель, Чернин 1989: 88). С начала 1930 гг. Матвей Мачинский возглавляет Ленинградскую группу изучения реактивного движения, разрабатывает проекты двигателей и дискутирует с С. П. Королёвым о технике реактивного движения (Голованов, 2007: 236–237; Личное дело М. В. Мачинского...: 6, 14–15). В этот же период он начинает преподавать, занимая должность профессора физики в нескольких институтах.

В 1933–37 гг. Матвей Мачинский работает в Ленинградском Горном институте (ЛГИ), возглавляя кафедру физики, где в декабре 1936 г. защищает докторскую диссертацию (Личное дело М. В. Мачинского...: 18–62, 74). В 1937 г. после затяжного конфликта с некоторыми коллегами, жалоб студенческого актива на специфику приёма экзаменов и «критических»¹¹ статей в институтской газете «Горняцкая правда» М. В. Мачинский, доведённый до «резко выраженной неврастении» (Там же: 71а), добровольно оставляет пост заведующего кафедрой физики и увольняется из ЛГИ (Там же: 71–72). Перед войной он возглавляет кафедру геофизики в Карело-Финском Университете (Matwiej Maczinski...).

Пути братьев окончательно расходятся во время войны. Алексея призывают в конце 1939 г. в армию и определяют сначала в инженерные войска (Письмо от 21 декабря 1939 г.: 1), а затем в батальон связи (Письмо от 8 мая 1940 г.: 1), хотя, по данным А. М. Решетова, в начале войны он служит переводчиком в штабе дивизии. В

---

¹⁰ Какие удивительные порой прослеживаются пересечения: первая жена Д. Д. Иваненко — Ксения Фёдоровна Корзухина — родная сестра Гали Фёдоровны Корзухиной, знаменитой исследовательницы древнерусских кладов и многолетней сотрудницы ГАИМК–ИИМК–ЛОИА. 4 марта 1935 г. Д. Д. Иваненко был осуждён Особым Совещанием НКВД, как «социально опасный» (по-сути, за «личное дворянство» отца и связь с невозвращенцем Г. А. Гамовым), и выслан в Карагандинский лагерь на три года. В конце 1935 г. лагерь был заменён на ссылку в Томск, с возможностью заниматься наукой. Вместе с ним административной высылке была подвергнута его жена, врач К. Ф. Корзухина, отправленная сначала в Оренбург, а затем к мужу в Томск (Сарданашвили 2010: 83).

¹¹ Вспомним, что на календаре 1937 г. Тон советских газет становится всё более и более агрессивным, выпуски насыщены сведениями о разоблачённых «фашистах», «предателях Родины», выведенных на чистую воду троцкистах, зиновьевцах, лицах, скрывших своё социальное происхождение и проч. В силу этого любой гражданин советского государства, которого «прорабатывали в печати» имел серьёзные основания опасаться за свою жизнь и свободу.

1941 г. Алексей Мачинский попадает на фронт и в звании лейтенанта погибает в декабре 1942 г. во время налёта немецкой авиации (Решетов, 1995: 5).

Матвей, находясь в оккупации в Красном Селе, начинает сотрудничать с немцами в качестве переводчика — снова параллель¹² с младшим братом, но уже трагическая (Matwiej Maczinski...), периодически занимается публицистикой в оккупационной прессе (В Красном Селе...: 4; Год тому назад...: 2). В 1943 г. Матвей Мачинский эвакуируется с женой в Ревель (Красносельский район...: 37). Тогда же он попытался разыскать мать и старшего брата, высланных в Куйбышевскую область в 1935 г., дав объявление в ревельскую газету «Северное слово» в апреле 1943 г. (Родственники ищут...: 3), но отклика через газету не было. Из Ревеля Матвей с женой, вероятно, уходят с немцами и оказываются в Западной Германии, а затем во Франции. После войны Матвей Мачинский (рис. 6) работает в Статистическом институте Парижского университета и в ряде других университетов и научных обществ (Ковалевский, 1971: 151; Российское зарубежье..., 2010: 162; Matwiej Maczinski...). По словам Л. А. Иволгиной, «в глухие советские годы» он пытался связаться со вдовой младшего брата и матерью Д. А. Мачинского — Н. А. Винберг, чтобы урегулировать вопросы, связанные с наследством, которое он хотел оставить племяннику. Однако Нина

---

¹² Окончательный ответ на вопрос, что толкнуло профессора Матвея Мачинского, добившегося немалых успехов в научной карьере, на это роковое решение, наверное, мы не найдём никогда, но определённые соображения не оправдательного, а объяснительного свойства высказать всё же необходимо. Если обратиться к истории взаимоотношений интеллигенции, особенно вышедшей из дворянской среды (а в отношении этой социальной страты эта тема и более широко известна, и лучше изучена) и власти после октября 1917 г., и, в особенности, после окончания братоубийственной в прямом смысле этого слова Гражданской войны, то нетрудно заметить, что репрессии (от лишения в правах и административных высылков до расстрела) прошли красной линией практически по каждой семье. Презрение к большевикам, в особенности к партийным функционерам, диктовавшим не только как жить, но и как думать, ненависть к советской власти, взявшей за правило унижение и уничтожение личности человека, и её карательным органам, уничтожавшим под выдуманными предлогами любимых, родных, друзей и коллег — всё это сработало в 1941 г., когда определённая часть граждан СССР связывала надежды на уничтожение «большевицкого ига» с победами немецкого оружия. Поэтому с приходом немецких оккупационных властей те, для кого горечь личных потерь в пореволюционные десятилетия и неприятие Советов перевесили трагедию оккупации родной страны Германией, оказались на стороне захватчиков. Эта красная линия прошла не только через семью Мачинских. Первый наставник Алексея Мачинского в археологии (с которым, очевидно, был знаком и Матвей) — А. А. Миллер в 1933 г. был арестован по сфабрикованному делу «Российской национальной партии» и по приговору выслан на пять лет в Казахстан, где через два года умер в лагере (Платонова, 2010: 169). Его родной брат, археолог М. А. Миллер, живший и работавший в Ростове на Дону, в период оккупации начал сотрудничать с немцами в должности директора краеведческого музея, а при отступлении ушёл с семьёй вместе с германской армией (Миллер (Антич) К. ...).

Анатольевна предпочла прервать всяческие контакты, вероятно, опасаясь за свою судьбу и судьбу сына (Личное сообщение Л. А. Иволгиной). М. В. Мачинский умер в 1981 г., опубликовав более двухсот работ по теоретической физике, математике и философии. Открытый им в теории орогенеза «закон Мачинского» позволил определить высоты антарктического континента (Ковалевский, 1971: 151; Российское зарубежье..., 2010: 162; Matwiej Maczinski...).

Но вернёмся к главному герою моего повествования, младшему из трех братьев — археологу Алексею Владимировичу Мачинскому.

Ещё во время обучения в Университете Алексей Мачинский участвовал в полевых работах ГАИМК, проводимых на Кавказе А. А. Миллером. В 1928 г. — в работах Северо-Кавказской Экспедиции ГАИМК (раскопки Кобякова городища) и обследовании Елисаветовского городища (рис. 3, 4), а в 1929 г. — в Кабардино-Балкарской автономной области, где он производил исследования курганов под руководством начальника экспедиции А. А. Миллера (Личное дело... 1935–39 гг.: 5–7; Решетов, 1995: 4). С этого времени и до конца жизни Алексей сохранял пристрастную верность кавказской археологии, несмотря на все остальные научные увлечения и служебные занятия сначала в ГАИМК'е, а затем в ИАЭ АН СССР.

В 1930 г. студент Мачинский проходит одномесячную музейную производственную практику в отделении Древнего Востока Государственного Эрмитажа, спустя некоторое время он станет секретарём кружка по изучению Древнего Востока при Эрмитаже. А пока, 15 (по другим данным 16) декабря 1930 г., Алексей Мачинский становится заведующим Антирелигиозным кабинетом при Смольнинском районном Доме партийного актива, где трудится вплоть до 1 июня 1931 г. К этому же периоду относится его участие в деятельности Смольнинского райсовета Союза воинствующих безбожников, сводившееся к агитационно-организационной работе. Впоследствии Алексей продолжает принимать участие в общественной деятельности, занимаясь «низовой профсоюзной работой» в рядах Рабпроса, но это не играет какой-то заметной роли в его жизни и научной карьере (Личное дело... 1932–1936 гг.: 17; Личное дело... 1935–39 гг.: 5–7).

Несколько строк из письма Алексея Мачинского университетскому другу и однокурснику Андрею Круглову характеризуют окончание студенческого лета 1930 г. *«Ленинградские новости таковы: Музееведение в этом году будет читать, как я и предполагал Каргер¹³, вообще говорят он в этом году набрал уйму курсов. Все студенты*

---

¹³ Каргер — Михаил Константинович Каргер (1903–1976), археолог, д.и.н., профессор. На тот момент сотрудник Сектора феодальных формаций ГАИМК. Здесь и далее краткие биографические сведения о сотрудниках ГАИМК'а даются по изданию (Академическая археология..., 2014). Одновременно

ЛГУ мобилизованы для работы в порту и каждый обязан проработать не менее одного дня, мне придется сегодня. В газетах пишут что занятия должны начаться 1-го сентября, но в Университете никаких объявлений нет. Скучища здесь адская...» (Письмо от 26 августа 1930 г.: 1).

16 марта 1931 г. дипломированный научный работник II разряда Алексей Мачинский поступил на работу в ГАИМК в качестве научно-технического сотрудника сектора Доклассового общества (Личное дело... 1935–39 гг.: 5–7). В экспедицию он не поехал, и мы вновь можем узнать нехитрые новости из Академии лета и осени этого года. «Что касается Академии то там совсем пусто. Павел¹⁴ уехал (ему, кажется, также как и вам перед отъездом не выдали денег). Бернштам¹⁵ болен. Третьяков¹⁶ всё время разъезжает по окрестностям Ленинграда. Кричевский¹⁷ получил 300 рублей и в сентябре поедет в Киев, Одессу и Москву. Из изданий Академии вышла и поступила в продажу только одна вещь — Аптекарь и Быковский «Современное положение на лингвистическом фронте и очередные задачи марксистов-языковедов» (это 8–9 выпуски X тома, из которого ни одного из предыдущих выпусков в продаже нет)¹⁸. Статья имеет 47 страниц и стоит 1 рубль!!! Ругают в ней всех кто только имеет какое-нибудь отношение к языковедению, кроме Марра¹⁹» (Письмо от 27 июля 1931 г.: 1 об). «В Академии в течение последнего месяца меня нагрузили общественными работами, сначала сделали вместо Юрия²⁰ завед[ующим] красным уголком, а потом в течение двух недель исполнял обязанности коопбюро» (Письмо от 1 сентября 1931 г.: 2 об.).

М. К. Каргер состоял ассистентом на кафедре русского искусства и материальной культуры (Тихонов 2003: 154).

¹⁴ Павел — Павел Иосифович Борисковский (1911–1991), археолог, д.и.н. На тот момент аспирант ГАИМК.

¹⁵ Бернштам — Александр Натанович Бернштам (1909–1956), археолог, д.и.н., профессор. На тот момент научный сотрудник 2-го разряда и аспирант ГАИМК.

¹⁶ Третьяков — Пётр Николаевич Третьяков (1909–1976), археолог, д.и.н. На тот момент сотрудник Сектора архаических формаций ГАИМК.

¹⁷ Кричевский — Евгений Юрьевич Кричевский (1910–1942), археолог, к.и.н. На тот момент аспирант ГАИМК.

¹⁸ Имеется в виду статья (Аптекарь, Быковский, 1931).

¹⁹ Марр — Николай Яковлевич Марр (1864–1934), археолог, востоковед, лингвист, д.и.н., академик РАН и АН СССР. Организатор и первый председатель РАИМК-ГАИМК. Основоположник «нового учения о языке» — «яфетической теории» в языкознании. На тот момент вице-президент АН СССР, Председатель ГАИМК.

²⁰ Юрий — Георгий (Юрий) Владимирович Подгаецкий (1908–1941), археолог, к.и.н. На тот момент сотрудник Сектора архаических формаций ГАИМК. Университетский приятель А. В. Мачинского.

Уже через год, 16 июня 1932 г. Алексей был переведён в научные сотрудники II разряда и назначен заведующим Архивом ГАИМК. В Архиве он числится до 1936 г. на разных должностях: заведующий Архивом, затем старший хранитель Архива, старший научный сотрудник. Двадцатидвухлетний Алексей Мачинский совмещает обязанности заведующего Архивом ГАИМК с должностью старшего научного сотрудника Института истории рабовладельческого общества (ИИРО) ГАИМК, а также с должностью секретаря кружка по изучению Древнего Востока в Государственном Эрмитаже, занимается исследованием проблем древнеегипетского сельского хозяйства, регулярно ездит в новостроечные экспедиции на Кавказ и в Крым, часто в счёт собственного отпуска. В 1934 г. он работает в составе Терской и Керченской экспедиций ГАИМК (Личное дело... 1932–1936 гг.: 3–5, 5 об., 8, 8 об., 10–12, 18, 21).

Вот некоторые вести из Керчи: *«Очень рад, что приехал в Керчь, здесь вообще очень интересно (сам городишко гораздо хуже Владикавказа), хотя мне с раскопками пока не повезло. Работы Славина²¹ поставлены весьма неплохо (Крюгера²² нет), хотя конечно есть целый ряд спорных моментов, но надо иметь в виду, что раскопки осложняются такими моментами, которые мне, например, не приходили в голову. Я работаю в самой Керчи вместе с Блаватским²³ (которого может быть ты помнишь по Нальчику) и его женой. Блаватский очень милый человек, но жуткий чудак (иначе назвать нельзя) и с ним мне очень трудно. Раскопки очень скучные, так как копаем сплошной мусор, мусорный слой примерно 3 м 50 см, а дальше морская вода, которую отчерпываем вёдрами. Всего лучше идёт работа в Мирмекии (на территории военного строительства) — очень интересный раскоп у Леви²⁴ — винодельческое производство»* (Письмо от 21 августа 1934 г.: 1–2). Позднее он ещё раз возвращается к керченским делам: *«В Керчи, в отношении раскопок, довольно интересно и я очень рад, что попал сюда, хотя здесь и сходят с ума с писанием описи. Живём мы не очень плохо»* (Письмо от 5 сентября 1934 г.: 2).

---

²¹ Славин — Лазарь Моисеевич Славин (1906–1971), археолог, д.и.н. На тот момент сотрудник Института истории рабовладельческого общества ГАИМК, в 1934 г. руководил Керченской экспедицией.

²² Крюгер — Отто Оскарович Крюгер (1893–1967), филолог-классик, папиролог, эпиграфист, д.и.н., профессор. На тот момент сотрудник Института истории рабовладельческого общества ГАИМК, в 1933 г. руководил Керченской экспедицией.

²³ Блаватский — Владимир Дмитриевич Блаватский (1899–1980), археолог, д.иск.н. На тот момент сотрудник московского отделения ГАИМК.

²⁴ Леви — Елена Ивановна Леви (1903–1996), археолог, к.и.н. На тот момент сотрудница Института истории рабовладельческого общества ГАИМК.

В Керчи старший научный сотрудник экспедиции А. В. Мачинский исполняет обязанности «заведующего квадратом» и «заведующего раскопом», под его началом трудятся от одного до семи рабочих (Дневник А. В. Мачинского. Греческая церковь...: 1, 5, 30, 34, 40–41 и др.). Судя по дневниковым записям, участок работ во дворе греческой церкви, доставшийся А. В. Мачинскому, оказался не очень перспективным: работники размеренно углубляли раскоп примерно «на штык» в день, а наиболее примечательной находкой оказался фрагмент мраморной колонны (Там же). С 25 августа по 5 сентября Алексей Мачинский в той же должности «зав. раскопом» работает уже на Тиритаке, возглавляя команду из пяти рабочих (Дневник Мачинского. Тиритака, раскоп 8: 5, 9, 51 и др.). Здесь в пределы его раскопа попадают многочисленные остатки кладок и вымосток (Там же).

Кроме участия в полевых работах коллег в этот период А. В. Мачинский наиболее активно занимается различными аспектами хозяйства и культуры Древнего Египта (Мачинский 1935а, 1935б). Например, он увлечён такой мало исследованной темой, как реконструкция музыкального строя древнеегипетских инструментов. В основу его пробного исследования положен математический анализ соотношения длин струн древних инструментов, известных из реальных находок и изображений (Мачинский 1935б: 25). Используя для анализа расчётную формулу, предложенную братом Матвеем, он делает вывод, что древнеегипетский музыкальный строй «был близок к строю шотландской или китайской гаммы» (Там же).

В то же время, на посту заведующего Архивом ГАИМК, Алексей совершает значительное архивное открытие: он находит и публикует письма Ж-Ф. Шампольона к А. Н. Оленину (Мачинский, 1934а). Вообще, деятельность А. В. Мачинского в качестве заведующего Архивом ГАИМК была положительно оценена уже через год после его назначения на эту должность. В декабре 1933 года состоялось обследование Архива специально назначенной внутренней комиссией. Её члены, отмечая существенные недостатки в работе этого «вспомогательного учреждения» ГАИМК, накопившиеся за годы его существования, особо отмечали заслуги «т[оварища] Мачинского, чья работа очень плодотворно сказалась на состоянии архива» (Переписка о работе...: 45).

Однако уже через два года после назначения администраторский пост заведующего Архивом, да и сама рутинная архивная работа, начинают тяготить Мачинского. С большей охотой он занимается историей Древнего Египта и археологией Южной Америки, водит экскурсии по Отделению Древнего Востока для студентов Университета Культуры, участвует в кружке по исследованию вещественных памятников, наконец, занимается под руководством В. В. Струве изучением ассирийской клинописи

(Планкарты сотрудников...: 58). Понимая, что архивное дело — не его призвание Алексей Мачинский подает несколько прошений об отставке со своей должности (Личное дело... 1932–1936 гг.: 6–8 об.). В 1934 г. его переводят на должность старшего хранителя Архива (старшего научного сотрудника), которую он занимает до конца января 1935 г. Но и этот вариант Алексей полагает неприемлемым и уходит на половинную ставку научного сотрудника Архива. Из отчётов о деятельности Архива ГАИМК в 1935 г. видно, что на исполнение утверждённого годового плана работ Мачинского и других сотрудников Архива сильно влияют стихийные изменения первоочередных задач: организация Комиссии по выявлению архивных материалов в Институтах ГАИМК, опись россыпи материалов ГАИМК'а, описание документов, связанных со скончавшимся в конце 1934 г. Н. Я. Марром, увеличение «спроса на архматериалы» (Отчеты о работе...: 7, 44–46, 96–97 об.). Так, очередной заведующий Архивом — С. А. Дубинский в отчёте за 1935 г. писал, что *«у А. В. Мачинского план работ был нарушен благодаря работе по сбору и разборке выявленных комиссией по сбору материалов, почти годовым сидением над описью фонда 2 (ГАИМК), а под конец работой по выявлению и составлению картотеки по Н. Я. Марру, сильным отрывом его от др[угих] работ на работу по выдаче и приемке дел»* (Там же: 96 об.). Сказывалось и стремление Алексея больше времени уделять полевой археологии, и невозможность укомплектовать архив ещё одной штатной единицей на половинную ставку (Там же: 46).

Наступает переломный в жизни Алексея 1935 год. 5 мая А. В. Мачинский пишет исполняющему обязанности Председателя Академии Ф. В. Кипарисову следующее: *«Я проработал в Государственной Академии Истории Материальной Культуры четыре года и за все это время не имел никаких замечаний по своей работе. В течение 1934 г. я не только работал в Архиве и Институте Истории Рабовладельческого Общества (где мною подготовлено заслуживающее внимания, согласно отзыву проф[ессора] В. Струве, исследование), согласно производственному плану, но также, сверх того, работал в экспедициях (Керченской и Терской) во время своего отпуска.*

В настоящее время меня обвиняют в том, что я недобросовестно отношусь к своей работе в архиве. ... было сказано, что я был снят с места старшего хранителя архива и замещён Г. Ф. Корзухиной²⁵ за плохую работу, в то время как, в действительности, это перемещение было сделано по моему личному желанию и после моего неоднократного настояния, в виду моего желания перейти в архиве на половинное

---

²⁵ Г. Ф. Корзухина — Гали Фёдоровна Корзухина (1906–1974), археолог, к.и.н. На тот момент Учёный секретарь и старший хранитель Архива ГАИМК.

рабочее время, для того, чтобы иметь время для научной работы по специальности в ИИРО, где я, кроме того, исполняю обязанности секретаря кафедры...

...Учитывая, что с одной стороны в течение первого квартала я не имел никаких указаний, со стороны непосредственного руководства, на недочеты в моей работе, что с другой стороны имеющиеся недочеты не являются трудноисправимыми... , что, наконец, я одновременно с работой в архиве веду еще научную работу и безвозмездно исполняю обязанности секретаря кафедры истории Древнего Востока И.И.Р.О., а так же что я работаю в Академии с 16 марта 1931 года и до сих пор не имею никаких замечаний по своей работе, еще раз категорически возражаю против обвинения меня в недобросовестном отношении к работе.

В виду создавшейся обстановки считаю нецелесообразной для дела и невозможной для меня дальнейшую мою работу в архиве Академии, вследствие чего прошу освободить меня от работы в архиве.

Так как мне очень трудно порывать с учреждением с которым связаны все мои интересы, в котором я работаю с момента окончания мною высшего учебного заведения и работой в котором я дорожу, то прошу предоставить мне в Академии какую-либо другую работу по специальности или, по крайней мере, возможность работы на договорных началах в ИИРО» (Там же: 8, 8 об.). Это длинное и подробное прошение, проясняющее ситуацию, приведшую к уходу В. А. Мачинского из ГАИМК, ни к чему не приводит.

Он повторяет его 1 июня: «В виду того, что работа в архиве совершенно не соответствует моей специальности прошу освободить меня от занимаемой мною должности старшего научного сотрудника архива с 5-го июня 1935 года» (Там же: 6).

В личном деле в этот период появляются противоречивые характеристики. С одной стороны, заключение так называемого «треугольника»: «В Академии занимает штатную должность в архиве. Научную работу ведет над темой с[ельского] /х[озяйства] Древнего Египта. Неплохой полевой работник. В работе архива мало заинтересован, почему стоит вопрос об его освобождении» (Там же: 16). С другой стороны, — сугубо положительное заключение главы Кафедры истории древнего и эллинистического Востока, профессора В. В. Струве о научном сотруднике ИИРО А. В. Мачинском: «Выполнял свои обязанности добросовестно, как секретарь кафедры. Принимал деятельное участие в обсуждении докладов и подготовил исследование, заслуживающее большого внимания» (Там же: 13).

Да и о работе молодого сотрудника, посвящённой сельскому хозяйству Древнего Египта, В. В. Струве ещё в 1934 г. отзывается лестно: «Считаю своим долгом заявить,

что работа т[оварища] Мачинского «Сельское хозяйство Древнего Египта», подготавливаемая им к печати по поручению кафедры древнего Востока и ИИРО ГАИМК, является добросовестным и обстоятельным решением поставленной им проблемы. В особенности заслуживают внимания и одобрения вдумчивое и осторожное отношение к вопросу об организации сельского хозяйства и попытка вполне самостоятельно определить характер связи непосредственного производителя со средствами производства. Очень ценны наблюдения в области техники, указывающие нам на момент более интенсивной обработки высоких полей» (Там же: 20). В целом, оценивая деятельность научного сотрудника первого разряда А. В. Мачинского, 24 декабря 1934 г. В. В. Струве писал: «...надо признать работу А[лексея] В[ладимировича], выполненную им в течение 1934 г[ода] вполне отвечающей тем требованиям, которые выдвигаются ГАИМК по отношению к исследованиям своих сотрудников» (Там же). Работа о сельском хозяйстве Древнего Египта вышла в свет в 1935 году (Мачинский 1935а).

Сложный период на службе совпадает с высылкой 18 марта 1935 г. из Ленинграда в Куйбышевскую область старшего брата и родителей, и последовавшей вскоре смертью отца (Заявление 1935 г.). 14 июля 1935 г. Алексей Мачинский пишет Андрею Круглову: «Дорогой Андрюша! Умер отец, так что я, как только получу отпуск уеду в Самару. Правда с отпуском меня в ГАИМК'е надувают²⁶, но надеюсь, что я смогу уехать не позднее 1-го августа» (Письмо от 14 июля 1935 г.: 1). Летом и осенью того же года А. В. Мачинский, по согласию с А. А. Иессеном, должен был принимать участие в Манычской экспедиции, под руководством М. И. Артамонова, работавшей на одной из гигантских строек социализма — строительстве Манычского канала между Азовским и Каспийским морями. Но в связи со смертью отца и длительным отсутствием положительного решения Артамонова, по всей видимости, туда не поехал (Академическая археология...: 123; Письмо от 14 июля 1935 г.: 2). 6 августа Алексей был уже в Куйбышеве, вместе с семьёй (Письмо от 6 августа 1935 г.: 1–2).

Складывается ощущение, что резкая критика в его адрес со стороны Заведующего вспомогательными учреждениями И. Д. Левина, прозвучавшая 29 апреля на

---

²⁶ 13 июля А. В. Мачинский подал заявление заместителю Председателя ГАИМК, в котором просил предоставить ему «полагающийся двухмесячный отпуск с 25 июля по 25 сентября», видимо, надеясь как можно быстрее попасть в Куйбышев на поминки по отцу. Но так как заведующая Архивом Г. Ф. Корзухина возвращалась из отпуска только через неделю, то 14 июля заместитель Председателя Н. И. Мяги отказал Алексею в закрытии Архива на «одну шестидневку» и распорядился назначить ему отпуск только с 1 августа 1935 г. (Личное дело... 1932–1936 гг.: 7).

производственном совещании, на котором сам Алексей Владимирович отсутствовал в силу особенностей рабочего графика (Личное дело... 1932–1936 гг.: 8–9), была вызвана не только объективными причинами, но и слишком очевидной уязвимостью его фигуры с учётом социально чуждого происхождения и частичной высылки членов его семьи. Время наступало очень опасное: после убийства Кирова в декабре 1934 г. в Ленинграде развернулась вакханалия репрессий, в буре которой в течение следующих двух лет погибли или попали в длительное заключение многие сотрудники ГАИМК, а руководящие лица Академии были расстреляны, как организаторы и участники «троцкистско-зиновьевского террористического центра» (Султанбеков, 2002).

В ночь с 28 февраля на 1 марта 1935 г. в Петергофе, на дружеской вечеринке были арестованы молодые гаимковцы — Б. Б. Пиотровский, Ю. В. Подгаецкий и А. П. Круглов, двое последних — близкие друзья Алексея Мачинского. Они были обвинены в принадлежности к контрреволюционной террористической организации и до 10 (по другим сведениям 19) апреля 1935 г. содержались под стражей во внутренней тюрьме НКВД на Шпалерной улице в Ленинграде. Мартовским приказом по ГАИМК'у все трое были уволены «по сокращению штата». В архиве ИИМК РАН сохранился интересный документ, относящийся к этому событию. 8 марта 1935 г. по поручению Дирекции Академии рабочие столы А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого были разобраны комиссией, состоявшей из трёх человек: действительного члена Института исторической технологии А. А. Иессена, младшего научного сотрудника того же Института С. Н. Аносова и аспиранта Института истории доклассового общества С. Н. Бибикова. Комиссия составила суммарную опись обнаруженных бумаг и вещей (Акт о разборке столов...: 1–2). Ничего крамольного, судя по краткой описи, обнаружить ей не удалось.

Очевидно, что в этом деле что-то пошло вопреки задуманному НКВД сценарию — обвиняемые своей вины не признавали и в итоге, через полтора месяца были освобождены «в связи с прекращением дела» (Круглов Андрей Павлович...; Пиотровский, 1995: 121–123; Подгаецкий Юрий (Георгий) Владимирович...). Впоследствии Пиотровский и Подгаецкий восстановились на работе по суду (Пиотровский, 1995: 123–124), по-видимому, таким же образом вернулся на работу и А. П. Круглов. Не так счастливо сложилась судьба ещё одного гаимковца, старшего друга Круглова и Подгаецкого — Б. А. Латынина. По решению Особого Совещания Ленинградского управления НКВД 4 марта 1935 г. Б. А. Латынин был выслан «по соцпроисхождению» на три года в г. Куйбышев, а оттуда, после отмены высылки в 1936 г. и последовавшего за ней нового ареста, после длительных разбирательств в Куйбышеве и Ленинграде, в конце 1937 г. отправлен на пять лет в лагерь на Колыму (Судьба учёного... 2000: 56–60). Из

Академии он был уволен как «антиобщественный и социально чуждый элемент» ещё в марте 1935 г. (Академическая археология...: 119).

В связи с этим, более зловещий оттенок приобретают февральские и мартовские запросы Ленинградского управления НКВД, требующие от Секретного отдела ГАИМК охарактеризовать всех сотрудников Академии, и в том числе указать их реакцию на убийство Кирова (Списки и характеристики...: 8–23, 29–33 и др.). Не была ли эта активизация деятельности карательных органов, формально связанная с ужесточением контроля над трудящимися массами после убийства Кирова, прологом к делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра» 1936 г., обезглавившего ГАИМК?

В ответ на поступившие запросы 11 февраля 1935 г. заведующая Секретной частью ГАИМК'а П. В. Воронина так характеризует А. В. Мачинского среди прочих сотрудников Академии: «МАЧИНСКИЙ, Алексей Владимирович. Род[ился] в 1910 г[оду], из дворян (отец начальник материальной службы Сев[еро]-зап[адной] ж[елезной] д[ороги]). В ГАИМК работает с 1931 года сначала научно-техн[ическим] сотр[удником], а затем зав[едующим] архивом. Политическое лицо не выявлено. Адрес: ул[ица] Жуковского, 37, кв[ртира] 4» (Списки и характеристики...: 14). 5 марта того же года П. В. Воронина вновь характеризует Алексея Мачинского для НКВД: «МАЧИНСКИЙ, Алексей Владимирович — из дворян, молодой археолог и музыкант²⁷, исполнительный, старательный молодой учёный без большого научного багажа. Общественно-политическое лицо не проявил, очень скрытный и молчаливый» (Там же: 45). Отмечу, что приведённые характеристики не выделяются на фоне других и являются достаточно «сдержанными», в то время как в отношении некоторых коллег А. В. Мачинского заведующая Секретным отделом однозначно указывала: «настроен антисоветски», «общественно-политически чуждый нам человек», «политически неблагонадежный» (Там же: 11, 16).

---

²⁷ Не связано ли это, несколько неожиданное (?) определение «музыкант» с тем, что в 1935 г. А. В. Мачинский отдал в печать статью о древнеегипетском музыкальном строе (Личное дело... 1932–1936: 19; Мачинский 1935б)? Ничего определённого о музыкальных талантах братьев Мачинских неизвестно, но о среднем — Матвее, мы знаем, что он интересовался возможностью реконструировать древнеегипетскую музыку и, вероятно, преуспел в этом, так как упоминал о рукописи одноимённой статьи (Жизнеописание...: 1 об.) и работал в ГАИМК'е в составе Комиссии по теории и истории музыки в 1928–29 гг. (см. Прим. 9). Именно его расчётными разработками воспользовался младший брат при написании своей статьи о музыкальном строе древнеегипетских музыкальных инструментов (Мачинский 1935б: 22, прим. 2). Учитывая социальное происхождение и особенности воспитания в русских дворянских семьях начала XX века, братья Мачинские могли получить домашнее музыкальное образование и интересоваться реконструкцией древней музыки вполне профессионально.

Видимо понимая, что ситуацию с должностью в ГАИМК'е ему переломить не удастся, Алексей Мачинский с 15 апреля 1935²⁸ года начинает параллельно работать по договору научным сотрудником в Институте Антропологии и Этнографии АН СССР (ИАЭ) (Личное дело... 1935–39 гг.: 8). Для этого он сокращает часы своей работы в Архиве ГАИМК и пятый день шестидневки работает в ИАЭ (Личное дело... 1932–1936 гг.: 5, 8). По заключённому сроком до 1 января 1936 г. договору, Мачинский занимается проверкой, определением, составлением научного каталога и перерегистрацией «2500 предметов археологических коллекций Отдела Южной Америки» (Там же). По всей видимости, первый²⁹ опыт сотрудничества прошёл успешно, так как на следующий день, после окончания договора, 2 января 1936 г., ИАЭ, переименованный в Институт Антропологии, Археологии и Этнографии АН СССР (ИААЭ) заключает с А. В. Мачинским новый, полугодовой договор — до 1 июля 1936 г. (Там же: 9). Теперь, кроме чисто музейной хранительской работы, связанной с обработкой коллекций, Алексею Мачинскому поручается и ряд исследовательских задач: «...подборка материалов по номенклатуре родства в древней Мексике; составление списка племён Мексики и Центральной Америки; составление статьи для справочника по коллекциям ИАЭ» (Там же). Исследовательская работа в ИААЭ явно увлекла Алексея Владимировича — молодой учёный наконец-то почувствовал себя востребованным членом коллектива. 16 марта³⁰ 1936 г. старший научный сотрудник ГАИМК'а А. В. Мачинский написал заявление с просьбой зачислить его научным сотрудником ИААЭ (Там же: 10). А на деле, уже накануне, 15 марта 1936 г. приказом по институту он был зачислен «на должность научного сотрудника I разряда с окладом в 300 руб[лей] в месяц с оплатой из средств по поручениям» (Там же: 11).

Через десять дней после устройства своих дел в ИААЭ, Алексей Владимирович предпринимает третью и последнюю попытку покинуть свою должность в Архиве ГАИМК, уже не надеясь остаться в Академии. В этот раз всё проходит быстро. 25 марта

---

²⁸ В публикации А. М. Решетова (Решетов 1995: 4) и в обеих публикациях С. А. Корсуна (Корсун 2010: 57; 2015: 318) по непонятной причине указан неверный год начала работы А. В. Мачинского в ИААЭ — 1934, хотя по всем документам, имеющимся в личном деле (Личное дело... 1935–39 гг.), видно, что первый договор с Институтом антропологии и этнографии Алексей подписал лишь 15 апреля 1935 г.

²⁹ Интересно, что археологии Южной Америки Алексей Мачинский начинает уделять внимание как минимум за несколько лет до своего перехода в Институт антропологии и этнографии. В одной из анкет, относящихся ко времени службы в ГАИМК'е, он упоминает свою статью с обзором новейшей археологической литературы Мексики и Гватемалы, вышедшую в 1934 г. в журнале «Советская этнография» (Личное дело... 1932–1936: 19; Мачинский 1934б).

³⁰ По какой-то причине, заявление написано задним числом.

1936 г. Мачинский пишет заявление в Президиум ГАИМК с просьбой освободить его с 1 апреля текущего года от должности научного сотрудника Архива, сухо, но с явной горечью объясняя свое давнее желание так: *«работа в Архиве не соответствует моей специальности, в настоящее время я получил возможность работать по специальности в Институте Антропологии, Археологии и Этнографии АН СССР»* (Личное дело... 1932–1936: 22). Примечательна резолюция тогдашнего исполняющего обязанности заведующего Архивом С. А. Дубинского, наложенная на заявление *«Признаю мотивировку Мачинского вполне основательной и считаю возможным удовлетворить просьбу»* (Там же). На следующий день исполняющий обязанности Председателя ГАИМК Ф. В. Кипарисов удовлетворяет просьбу (Там же: 21). Так археолог Алексей Владимирович Мачинский официально становится этнографом, открывая для окружающих ещё одну грань своего таланта.

Нет сомнения, что ГАИМК проиграл, потеряв Мачинского, а ИААЭ выиграл, приобретя в его лице ценного сотрудника. Однако, не исключено, что переход в ИААЭ весной 1936 г. спас Алексею Владимировичу жизнь, выведя его, как человека с сомнительной, с точки зрения советской власти, биографией, из под удара НКВД, нанесённого ГАИМК'у уже осенью того же года. В этом отношении показательно, что дружеская переписка Мачинского с Кругловым замирает на целых три года — три страшных года — 1936, 1937 и 1938³¹, обозначившие пик политических репрессий в СССР³². Возможно, А. П. Круглов уничтожал получаемые им в это время письма, но вероятнее то, что А. В. Мачинский сам не писал ему, учитывая происходящие в стране события.

О Мачинском — этнографе можно написать отдельное исследование. Эта его ипостась заслуживает профессионального осмысления, что отчасти уже сделано в работах А. М. Решетова и С. А. Корсуна (Корсун 2010: 56–58, 62–73; 2015: 318–320; Решетов 1995: 3–5). Здесь же я только упомяну, что перейдя в ИААЭ, Алексей Мачинский не только преуспел в расширении своего кругозора, но и подготовил несколько основополагающих сводов материалов для отдела Южной Америки, разобрал и описал археологические коллекции, хранившиеся в Отделе, создал новую музейную экспозицию народов Мексики и Южной Америки, после гибели при пожаре предыдущей, деятельно

---

³¹ Предположить случайность этой паузы невозможно. Друзья продолжали общаться и работали вместе в экспедициях.

³² Только в 1936 г. были арестованы и расстреляны, как враги народа, Председатель ГАИМК Ф. В. Кипарисов, сотрудник ГАИМК М. Г. Худяков, бывший гаимковец С. Н. Быковский, перешедший в ИАЭ, недавний директор ИАЭ Н. М. Маторин...

участвовал в создании и редактировании двухтомника «Этнография зарубежных стран», написал для него несколько важных статей. (Там же; Личное дело... 1935–39 гг.: 18, 19, 26, 27, 35, 57, 63 и др.). Несомненно, этим успехам на новом поприще способствовали его незаурядная работоспособность, внимательность к новым для себя источникам и не в последнюю очередь знание (на разном, конечно, уровне) четырёх европейских языков: немецкого, английского, французского и испанского (Личное дело... 1935–39 гг.: 1–2 об).

С. А. Корсун красочно описывает трагикомическую историю, относящуюся к 1936 г., когда во время противопожарных учений сгорела старая экспозиция народов Мексики, после чего Алексею Владимировичу срочно пришлось восстанавливать её, используя подоспевшие ко времени новые материалы (Корсун 2010: 58; 2015: 319). В 1937 г. Мачинский воссоздал экспозицию и написал к ней путеводитель, оставшийся в рукописи (Там же; Решетов 1995: 5). Вероятно, к этому времени и относятся две фотографии А. В. Мачинского, любезно предоставленные мне Л. А. Иволгиной (рис. 7, 8). На первой из них видно, как Мачинский с двумя сотрудницами Отдела Южной Америки разбирают экспонаты после пожара 1936 г. Вторая фотография, на которой он стоит около открытой витрины с экспонатами, возможно, относится уже ко времени воссоздания выставки в 1937 г.

Даже окончательно перейдя на работу в Институт антропологии и этнографии Алексей Мачинский не оставил своих археологических интересов, связанных, прежде всего, с Кавказом. Каждый год в летние месяцы, иногда за счёт отпуска, иногда за счёт прикомандирования к ГАИМК'у, а затем уже ИИМК АН СССР он работал в экспедициях. В ряде случаев ему приходилось отпрашивать прошение в Институт антропологии и этнографии о продлении командировки или отпуска для завершения раскопок. К чести ИААЭ нужно сказать, что его руководство всегда шло на встречу Мачинскому (Личное дело... 1935–39 гг.: 14–16, 23–25, 28–31, 39–41, 59, 62–64). Так уже 29 июня 1936 г. Алексей подаёт прошение директору ИАЭ АН СССР с просьбой разрешить ему во время очередного отпуска — *«с 1 августа по 30-е сентября 1936 г. работать в составе экспедиции ГАИМК и Чеченского НИИ на территории Чеченской Автономной республики»*, после чего он обязуется предоставить отчёт о проделанной работе (Личное дело... 1935–39 гг.: 14). В следующем, 1937 году, в Северо-Кавказскую экспедицию Мачинский едет в свой отпуск, с 15 июля по 11 августа, а для того, чтобы завершить полевые работы он берёт отпуск без содержания с 13 августа по 10 сентября (Там же: 24). Ситуация повторяется в 1938 и 1939 годах. А. В. Мачинский использует любую возможность для участия в полевых работах на Кавказе, где плечом к плечу трудится

вместе с друзьями и бывшими коллегами по ГАИМК А. П. Кругловым и Ю. В. Подгаецким (Академическая археология...: 123).

Не забывал в этот период Алексей Владимирович о своём археологическом призвании и в кабинетной работе, хотя здесь область его интересов практически полностью переместилась в Южную Америку и, отчасти, на Чукотку. С 1935 по 1941 год А. В. Мачинский опубликовал в общей сложности девять небольших работ, так или иначе посвящённых древностям этих регионов (сводную библиографию см.: Корсун 2015: 469). И лишь в 1941 г. вышла его небольшая статья по археологии Кавказа, которой он отдавал всё своё свободное время в летний и осенний период с 1936 по 1939 год (Мачинский 1941).

Роковой 1937 год обошёл Мачинского и его близких и друзей стороной, но стал рубежом в личной жизни. В молодой семье младшего научного сотрудника ИАЭ АН СССР Алексея Владимировича Мачинского и сотрудницы библиотеки ИИМК АН СССР Нины Анатольевны Винберг 6 октября родился сын Дмитрий. По воспоминаниям Д. А. Мачинского его отцу стоило большого труда уговорить Н. А. Винберг выйти за него замуж, а главным аргументом в пользу брака для его матери стало желание завести ребёнка (Заднепровская и др. 2002: 382). Возможно, сказывалась разница в возрасте — Алексей был на десять лет моложе, а может быть всё ещё не утихшие чувства к скончавшемуся в ссылке в 1930 г. византинисту А. П. Смирнову (Там же), в которого она была влюблена...

Вероятно, именно ожидание скорого пополнения в семье заставило Алексея Мачинского вернуться в 1937 г. из экспедиции на месяц раньше запланированного срока, несмотря на то, что ИИМК просил ИАЭ продлить его пребывание в Северо-Кавказской экспедиции до середины октября и это было уже согласовано директором Института антропологии и этнографии В. В. Струве (Личное дело... 1935–39 гг.: 23–25). И всё же, случившееся радостное событие — рождение сына не сильно изменяет напряжённый рабочий график А. В. Мачинского. Уже во второй половине ноября 1937 г. он командирован в Москву сроком на 15 дней (с 20 ноября по 5 декабря) «для собирания материала к справочнику “Народы мира”» (Личное дело... 1935–39 гг.: 26, 27).

С 1936 по 1939 год Мачинский регулярно выезжает на разведки и раскопки на территорию Чечено-Ингушской АССР³³, где работает совместно со своим университетским приятелем и коллегой по ГАИМК’у Андреем Павловичем Кругловым.

---

³³ Не исключено, что повышенное внимание Д. А. Мачинского к этому региону в годы первой и второй чеченских войн было обусловлено не только его нравственной позицией, но и оказалось в каком-то смысле вневгентически усвоено им от отца.

14 августа 1939 г. Алексей пишет Андрею Круглову: *«Андрей! 7 августа мы выехали из Ленинграда и 10-го вечером (поезд опоздал) прибыли в Грозный. Остановились в Турбазе. Артамонов³⁴ ассигновал на экспедицию 1250 руб[лей]. В Грозном пока всё складывается удачно»* (Письмо от 14 августа 1939 г.: 1). Письма и полевые записи той поры пестрят любопытными подробностями экспедиционного быта и упоминаниями известных мест и ещё только открытых памятников археологии. Из дневника работ Чеченского отряда Северо-Кавказской экспедиции за 1939 год: *«13 августа. А. В. Мачинский выяснял в Совнаркоме ЧИАССР условия работы в намеченных для посещения районах. А. М. Гусев (Зам[еститель] пред[седателя] Совнаркома) сообщил, что в Итум-Калинском районе работать можно и что осмотр склепов в с[елении] Майсты не вызовет возражений со стороны местных жителей»* (Дневник по археологическому обследованию...: 3). Иногда случались странности: *«8 сентября. Собирались выехать в сел[ение] Дарго. В момент отъезда внезапно прибыл тов[арищ] Хантышев, заявивший, что он прислан сопровождать экспедиции. По его словам шестого он не явился в Институт к восьми, как было решено накануне, т[ак] к[ак] шел дождь(?!)»* (Дневник работ...: 4). При обследовании окрестностей селения Дарго сотрудники экспедиции получили от местных жителей сведения о находках костей и различных предметов, сделанных при обработке полей и строительных работах. Попытка выявить местонахождение обнаруженных древностей закончилась курьёзом: *«К сожалению, никаких вещей из числа найденных жетел[ями] не сохранилось кроме трех бусин, двух глазчатых и одной янтарной, пришитых к платью маленькой девочки. Попытка приобрести бусы не увенчалась успехом, т[ак] к[ак] по объяснению матери эти бусины были пришиты к платью девочки, как талисман, когда она была больна, после чего она поправилась, поэтому мать продать бусы отказалась»* (Там же: 7–8). Кроме полевых исследований тогда же А. В. Мачинский вёл переговоры с руководством Чечено-Ингушского института языка и истории об издании материалов, обнаруженных экспедицией в прошлом, 1938 г. (Там же: 25).

Как этнограф, Мачинский не упускает возможность записать рассказы местных жителей об обрядах, локальных божествах или истории происхождения родов и селений. Полевой дневник 1939 г. насыщен описаниями и зарисовками гробниц, башен, рельефных изображений на камнях (Дневник по археологическому обследованию...: 17–33).

Наступивший 1939, последний гражданский год в жизни Алексея Владимировича Мачинского, оказался годом признания его как сложившегося учёного в области

---

³⁴ М. И. Артамонов в те годы руководил не только Северо-Кавказской экспедицией, но и был заместителем директора по научной работе (Академическая археология...:123, 329).

археологии Кавказа и этнографии и древней истории Южной Америки. Летом два крупнейших гуманитарных института Ленинграда — ИИМК АН СССР и Институт этнографии АН СССР борются за ценного сотрудника. Исполняющий обязанности директора ИИМК М. И. Артамонов просит директора ИЭ В. В. Струве «...откомандировать н[аучного] с[отрудника] ИЭ А. В. Мачинского в С[еверо]-К[авказскую] археологическую экспедицию ИИМК сроком на два месяца /август – сентябрь с[его] г[ода]/», мотивируя это тем, что «А. В. Мачинский будет назначен начальником одного из отрядов экспедиции». Более того, по его мнению, «...участие А. В. Мачинского в работах экспедиции является совершенно необходимым, так как работы этого года являются непосредственным продолжением работ, проводимых им на территории Чечено-Ингушской АССР в течение ряда лет» (Личное дело... 1935–39 гг.: 59). Директор Музея антропологии и этнографии, непосредственный начальник А. В. Мачинского, — Д. А. Ольдерогге, накладывает свою резолюцию: «В. В. Струве[.] А. Вл. Мачинский имеет большую нагрузку по выполнению своего производственного плана, поэтому опасаясь, что отсутствие его в теч[ение] 3 месяцев скажется на своевременном представлении двухтомника³⁵. Прошу дать разрешение либо 1) перенести отпуск на буд[ущий] год или 2) включить отпуск в число командировочных 2 месяцев, чтобы отсутствие А. В. Мачинского в этом году не превышало 2 месяцев...» (Там же). В итоге, В. В. Струве прислушивается к мнению Д. А. Ольдерогге и Мачинскому разрешают прикомандирование к экспедиции ИИМК сроком на два месяца с сохранением зарплаты по основному месту работы — Институту этнографии, но отпуск переносят на год вперёд (Там же: 59, 62–64).

25 сентября 1939 года заканчиваются последние в жизни Алексея Мачинского археологические работы на Кавказе и он возвращается в Ленинград (Там же: 67, 68).

В Ленинграде его ждут студенты. В октябре 1938, а затем с января 1939 года Алексей Владимирович Мачинский пробует себя на новом поприще — он начинает преподавать в Педагогическом институте им. Покровского (Личное дело... 1935–39 гг.: 54, 74, 79; Распоряжения по сектору...: 50). Наряду с Мачинским в том же институте в 1938–39 гг. работают некоторые его бывшие коллеги по ГАИМК'у: О. О. Крюгер, Ф. Д. Гуревич и Е. Ю. Кричевский, последний читает курс «Археология» (Отчёт о работе института...: 220; Отчёт о работе исторического факультета...: 1, 18; Приказы по

---

³⁵ По поручению Д. А. Ольдерогге Алексей Мачинский работал в составе других специалистов над составлением двухтомника «Этнография народов зарубежных стран», в частности писал туда статьи «Ацтеки», «Майя», «Кечуа и аймара», «Алеуты» и др., а также являлся помощником главного редактора издания — Ольдерогге (Личное дело... 1935–39 гг.: 35, 55, 60, 82).

институту...: 72, 101, 115). К сожалению, сведения о преподавательской работе Мачинского более чем фрагментарны. Так в Институте этнографии он неоднократно согласовывает свой график для работы по совместительству: 25 января, 5 июля и 27 сентября 1939 г. В эти периоды занятия, которые он ведёт в Педагогическом институте, проходят три раза в неделю (Личное дело... 1935–39 гг.: 54, 74, 79). По всей видимости, как и в 1938 г., А. В. Мачинский читает установочные лекции по курсу «История Древнего Востока» для студентов заочного отделения во время сессий³⁶. Не исключено, что к преподаванию в Педагогическом институте Алексея привлекли его бывшие коллеги, уже работавшие к тому моменту в этом ВУЗ'е.

Возвратившись с Кавказа и начав читать лекции для студентов Педагогического института, Алексей Мачинский в то же время погружается в напряжённую работу по Институту этнографии, где ему приходится исполнять обязанности помощника Д. А. Ольдерогге — редактировать двухтомник по этнографии зарубежных стран (Там же: 69, 70, 76–78). Часть времени он занимается дома, так как такая работа требует большой сосредоточенности (Там же: 76). Видимо, нагрузка настолько велика, что в начале октября у Алексея Владимировича ухудшается самочувствие и с ним случается обморок в трамвае, из-за чего он опаздывает на работу (Там же: 71). По ходатайству Д. А. Ольдерогге Мачинскому повышают зарплату, так как «... видна та большая помощь оказанная им редакционной работе, ряд разделов работы проводится им самостоятельно, причем на этой работе т[оварищ] Мачинский показал свою осведомлённость и знание материала». «Помощь его весьма значительна и только благодаря ей, я имел возможность проверить большое число статей прошедших через редакцию» — пишет главный редактор издания (Там же: 78). Не исключено, что успешное сотрудничество с Д. А. Ольдерогге положило бы начало новому этапу в жизни молодого археолога и этнографа, но...

Но к этому времени младший научный сотрудник Института этнографии А. В. Мачинский уже попадает в маховик государственной машины: 1 октября 1939 г. он был «... освидетельствован Василеостровской призывной комиссией и признан годным к строевой службе в кадрах РККА и зачислен в команду №088...». По решению комиссии 10 декабря того же года Алексей Мачинский был обязан явиться на сборный пункт

---

³⁶ Фонд Педагогического института им. М. Н. Покровского, ныне хранящийся в ЦГА СПб, очевидно имеет лакуны. Мне удалось найти единственный приказ с упоминанием А. В. Мачинского от 11 октября 1938 г. из которого следует, что на время консультаций на осенней сессии он был допущен в должности ассистента к преподаванию курса «История Древнего Востока» у студентов заочного отделения (Распоряжения по сектору...: 50). Очевидно, что и в 1939 г. он читал этот курс для студентов-заочников.

«... вымывшимся в бане, в чистом белье, остриженным, с головным убором и вполне годной к носке одежде и обуви» (Там же: 83).

В течение октября и ноября 1939 г. руководство двух институтов: ИЭ и ИИМК — В. В. Струве и М. И. Артамонов, объединив свои усилия, пытаются добиться от военного комиссариата отсрочки призыва Мачинского в ряды РККА. В октябре В. В. Струве пишет военному комиссару Василеостровского района: «А. В. Мачинский выполняет ответственное научное задание, являющееся составной частью плана Института, утвержденного Правительством СССР, по подготовке двухтомного сборника «Этнография народов зарубежных стран» и в то же время является соредактором двухтомника. Учитывая то обстоятельство, что А. В. Мачинский является единственным в Институте специалистом по народам Центральной Америки, отвлечение его от научной работы в сильной степени затормозило бы выполнение правительственного плана» (Там же: 63). По всей видимости, это не помогает и 3 ноября академик В. В. Струве и профессор М. И. Артамонов пишут уже в Горвоенкомат: «Институт Этнографии и Институт Истории Материальной Культуры Академии Наук СССР ходатайствуют об увольнении в долгосрочный отпуск Мачинского А. В., призываемого рядовым в РККА 10 декабря с. г.

Научный сотрудник А. В. Мачинский в настоящее время выполняет ответственные поручения трёх Институтов Академии Наук СССР.

По Институту Этнографии он должен закончить редактирование I-го тома «Очерков по Этнографии народов зарубежных стран». Это издание является учебным пособием для вузов.

По Институту Истории Материальной Культуры тов[арищу] Мачинскому необходимо предоставить в текущем году работу, которая составляет неотъемлемую часть I-го тома «Всемирной Истории», выполняемой Академией Наук по особому правительственному заданию.

По Институту Истории предстоит закончить работу по подготовке к печати одного из разделов II-го тома «Всемирной Истории».

Считаем нужным указать и на то, что А. В. Мачинский ведёт педагогическую работу в Педагогическом Институте им. Покровского» (Там же: 81).

К сожалению, и это, весьма мотивированное, обращение не возымело действия — красноармеец Мачинский оказался стране важнее, чем археолог, этнограф и преподаватель Мачинский.

Спустя месяц, 4 декабря 1939 г. приказом по Институту этнографии А. В. Мачинский официально признаётся призывником и готовится к увольнению (Там же: 85). В тот же день директор Музея антропологии и этнографии Д. А. Ольдерогге в

записке на имя директора Института этнографии В. В. Струве так оценил работу своего подчинённого: «В связи с предстоящим увольнением научного сотрудника А. В. Мачинского, призываемого в ряды РККА, считаю нужным сообщить Вам, что в продолжении своей работы в отделе Ц[ентральной] и Ю[жной] Америки показал значительный научный рост в области своей специальности как археология, история и этнография Мексики, Ц[ентральной] Америки и Перу, так и в более широких вопросах американистики и общей этнографии». Отмечая, что в работе над «Очерками по этнографии народов зарубежных стран» Мачинский «исполнял свои обязанности со знанием дела, оказав большую помощь во всей работе, не только по разделу Америки, но и по другим разделам», Д. А. Ольдерогге просил отразить это в приказе, а также изыскать возможность премировать уходящего в армию младшего коллегу, которого он не только ценил, как профессионала, но и к которому испытывал явную дружескую симпатию (Там же: 82). В день ухода А. В. Мачинского в армию директор Института этнографии В. В. Струве подписал приказ, в котором объявлял ему благодарность за «большую и тщательно проведённую работу» и представлял его к премированию со стороны Президиума Академии Наук СССР (Там же: 84).

10 декабря 1939 г. научный работник Алексей Мачинский переходит в ведение РККА и отправляется нести службу на дальневосточные рубежи Родины. С дороги он пишет Круглову: «...пишу тебе в поезде (стоит на станции Чулымская, недалеко от Ново-Сибирска). Как видишь, я заехал уже довольно далеко, а едем ещё дальше. Едем в теплушках. Из Ленинграда везут целый поезд, все исключительно с высшим образованием. Теперь я уже не попаду в Ленинград ни разу в течение всех трех лет, а за три года произойдет столько изменений, что нечего и загадывать что будет тогда» (Письмо от 21 декабря 1939 г.: 1). Компания будущих сослуживцев подобралась весьма разнообразная, но приятная: «... Та команда, к которой принадлежу я состоит из десяти человек: одного инженера-электрика, одного инженера-строителя, одного гидролога, одного астронома, одного архитектора, трех художников, одного пианиста и меня. Все, как говорят, направляются в инженерные войска, остается совершенно непонятным такой подбор» (Там же: 1, 2).

В январе 1940 года, прибыв на место службы — в село Черемхово недалеко от Ивановки на Амуре в Амурской области Хабаровского края и сориентировавшись, Алексей пишет другу: «Попал я здесь в батальон связи и буду служить телефонистом. Пока служу рядовым... Пиши мне побольше об Ленинградских делах, об ИИМК'е, так как здесь будет очень скучно, ничем заниматься в свободное время невозможно» (Письмо от 8 января 1940 г.: 1, 2). В последующих письмах из армии Алексей Владимирович будет

неоднократно возвращаться к теме раскопок, ГАИМК'а и своих исследований на Кавказе, так внезапно, и как тогда казалось временно, прерванных призывом на срочную службу в РККА.

Однако не прошло и полугодия скучной армейской службы, как археолог Мачинский совершил научное открытие. 29 мая 1940 г. Алексей Мачинский пишет директору ИИМК М. И. Артамонову: *«Многоуважаемый Михаил Илларионович!*

Сегодня, совершенно случайно, при рытье учебных окопов нашел несколько фрагментов древней керамики и камень со следами обработки. При первой возможности вышлю найденные вещи в Институт. Я надеюсь, что в один из выходных дней мне разрешат произвести дополнительное обследование места находки. В связи с этим у меня будет к Вам большая просьба. Не могли бы Вы обратиться с официальной просьбой разрешить мне производить археологическое обследование близлежащего района, указав, что АН очень заинтересована в такого рода работе и что я являюсь лицом, которому вполне можно доверить эту работу, а также просить содействия в производстве ее»...

Эта неожиданная просьба была немедленно удовлетворена — ИИМК выслал открытый лист и ходатайство к армейскому начальству: «Институт Истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР доводит до Вашего сведения, что в составе 69 СД находится в настоящее время наш бывший сотрудник — красноармеец Алексей Владимирович МАЧИНСКИЙ. А. В. Мачинский является вполне квалифицированным специалистом археологом и мог бы, при условии малой археологической изученности Приамурья, провести здесь чрезвычайно ценные наблюдения и обследовательские археологические работы» (Мачинский А. В. Статья...: 1–3).

Так началась история изучения одного из памятников мохэской культуры. Археологические исследования пришлось вести урывками, в основном в выходные дни, да и то не каждую неделю. Стоянка была открыта 29 мая, первые археологические работы А. В. Мачинский начал на ней 6 июля, а закончил 8 сентября 1940 г. За два месяца полевой работе удалось посвятить всего лишь семь дней, из которых два дня с ним работало несколько сослуживцев (Мачинский А. В. Дневник №1...: 2, 4, 13, 21, 26, 29, 35, 41).

Тогда же, в сентябре 1940 г., А. В. Мачинский знакомится с местным краеведом, научным сотрудником Амурского областного музея — Г. С. Новиковым-Даурским, которому в последствие и сдаёт свои находки из раскопок у с. Черемхово (Деревянко 1968: 287; 1975 17; Мачинский А. В. Статья...: 8). По сведениям Е. И. Деревянко в 1940 г. Мачинский и Новиков-Даурский плотно сотрудничают, проводя совместные археологические разведки и раскопки. Деятельно участвует Алексей Владимирович и в

работе научно-методического совета музея, «помогает пополнять археологические коллекции, а также библиотеку музея» (Деревянко 1968: 287). В этот последний предвоенный год и часть следующего Новиков-Даурский становится ещё одним постоянным и, возможно, основным адресатом³⁷ писем Мачинского (Там же: 287–288). 24 сентября 1940 г. Алексей Владимирович сообщает Новикову-Даурскому: *«Я здесь получил сведения о двух древних (?) памятниках, которые постараюсь осмотреть в ближайшее время. Кроме того, при помощи учеников местной школы собираюсь продолжить раскопки на старом месте»* (Там же: 288). Действительно, по договорённости с директором Черемховской средней школы в конце сентября Мачинский рассказывает учащимся разных классов о своих летних археологических работах у с. Черемхово и демонстрирует найденные материалы. Лекции настолько успешны, что учащиеся VI Б класса изъявляют желание принять участие в очередных раскопках. С 28 сентября по 5 октября, дважды, Алексей Владимирович вместе со школьниками работает на открытом им памятнике. В промежутке между работами он снова читает лекции в школе. Молодой заезжий археолог настолько увлék ребят, что в один из дней они самостоятельно отправились на памятник и устроили там «самовольные раскопки», последствия которых пришлось устранять уже самому Мачинскому. Надо сказать, что участники «самовольных раскопок» рассказали в содеянном и принесли найденные материалы (фрагменты керамики) в школу. А один из них в последний день работ даже помогал Мачинскому завершить раскопки должным образом. Исследования закончились уже 5 октября, «в виду наступления осенней погоды» (Мачинский А. В. Дневник № 2...: 3–35).

Вот так, в непростых условиях военной службы археологу Мачинскому удалось провести последние в своей жизни полевые работы. Их результаты получили отражение в местной прессе³⁸ (Интересная находка...; Древние памятники...), а находки, дневники и полевые описи дополнили фонды Амурского музея, что-то было отправлено в ИИМК.

---

³⁷ Есть надежда, что письма А. В. Мачинского к Г. С. Новикову-Даурскому сохранились в архиве А. П. Окладникова, который поступил в ПФА РАН, и со временем будут доступны для изучения и полной публикации. Именно у Окладникова брала эти письма при подготовке к публикации материалов из раскопок у с. Черемхово Е. И. Деревянко (Деревянко 1975: 18). Кроме того, из писем Мачинского Круглову и Артамонову известно, что в этот период он переписывался и с А. П. Окладниковым, в основном, видимо, по вопросу обнаруженной им стоянки у с. Черемхово (Мачинский А. В. Статья...: 2; Письмо от 18 марта 1941 г.: 1).

³⁸ В архиве ИИМК РАН сохранилась вырезка из газеты «Амурская правда» с обстоятельной статьёй А. В. Мачинского, посвящённой прошлому и древностям Амурского края. Статья эта, вырезанная и наклеенная автором на лист бумаги, была дополнена многочисленными рукописными вставками, которые,

К этому последнему периоду жизни и работ археолога Мачинского относится знаменитая его фотография с пиалой из Черемхово (рис. 9), сделанная в 1940 г. для местной газеты, а затем опубликованная в нескольких изданиях (например, Деревянко 1968: рис. 1). На ней Алексей Владимирович предстаёт перед нами в гимнастёрке, коротко стриженный и с лёгкой улыбкой на губах, как будто с признательностью, рассматривая небольшой керамический сосуд, который он держит в руках. Для него этот незамысловатый предмет — нечто большее, чем артефакт — это неожиданно материализовавшаяся здесь, на краю света, возможность вновь вернуться к любимому делу.

Возможность осуществить хотя бы небольшие, но раскопки, почувствовать себя вновь в профессии оказалась для Мачинского очень важна. В середине марта 1941 г. он пишет Круглову: «... я был очень рад его получить [письмо Круглова — Н. С.], потому что я страшно соскучился по какой бы то ни было археологической и исторической работе. То немногое, что мне удалось здесь сделать стоило мне очень большого труда и удалось сделать лишь благодаря исключительному стечению обстоятельств. Как выразился один молодой ленинградский педагог историк (попавший сюда одновременно со мной), даже видя результаты моих раскопок невозможно поверить в то, что их можно в здешних условиях производить» (Письмо от 19 марта 1941 г.: 2).

Такой кратковременный и неожиданный возврат к полевой практике и научной мысли вообще не только взбодрил молодого учёного, впавшего от рутинной службы на краю земли в «черную меланхолию», но и заставил сожалеть о незавершённых работах и заботиться об их судьбе (Там же). Одно из последних, предвоенных писем Круглову полно грустных размышлений на этот счёт: «Расстроило меня твоё письмо еще и потому, что оно напомнило мне о моих многочисленных научных работах, которые все по-прежнему остались незаконченными, а что касается археологических работ, то я прежде всего соскучился по настоящим археологическим работам вообще (ведь это дело попросту говоря очень увлекательное)»... (Там же: 2, 3).

Несмотря на горечь сожалений, в начале 1941 г. А. В. Мачинский ещё полон планов которые касаются не только раскопок на месте, в Амурской области, но и относятся уже ко времени его будущего возвращения из армии. Его неудержимо тянет на Кавказ, туда, где он работал всю вторую половину 1930-х гг. и где осталось столько начатого и незавершённого. Некоторые страницы писем Круглову — это настоящие

видимо, восполняют вырезанные редактором фрагменты первоначального текста, и отправлена в ИИМК вместе с некоторыми материалами из раскопок (Мачинский А. В. Статья...: 7).

подробные планы работ в Чечено-Ингушской АССР, продуманные и аргументированные (Там же: 3–6).

Дальнейшее известно по отрывочным данным. Летом 1941 г., после начала войны, Алексей Мачинский отбывает на театр военных действий. 6 июля он пишет, вероятно, с дороги, Новикову-Даурскому, извещая его об отправленных в его адрес перед самым отъездом материалах, и сетует, что не смог отправить ему *«на сохранение кое-какие свои заметки и книги»* (Деревянко 1986: 288). Спустя месяц, 6 августа, видимо впервые после отправки на фронт, он пишет жене, Нине Анатольевне Винберг: *«...Как-то Вы там живёте, просто не могу себе представить. ... Прошло уже два месяца, как я ничего не знаю про Вас. ... Я здоров и чувствую себя вполне хорошо. К кочевому образу жизни вполне привык, тем более что пока, на наше счастье, стоит хорошая погода...»* (Письмо от 6 августа 1941 г.: 1). Из этого лаконичного письма мы узнаём, что Алексей Владимирович находится в Смоленской области и служит в штабе дивизии. Его очень волнует судьба семьи и он просит жену чаще писать об их положении и, особенно, о маленьком сыне (Там же). Если сопоставить даты, то очевидно, что Алексей Владимирович в это время принимал участие в кровопролитнейшем Смоленском сражении, а учитывая номер полевой почты можно выяснить, что в августе 1941 г. он находился в районе Вязьмы (Справочник полевых почтовых станций...: №0572). Но и в эти тяжелейшие военные будни не оставляют Мачинского мысли об археологии — в последнем своём письме Новикову-Даурскому 29 октября 1941 г. он интересуется ходом его работ по сводному описанию памятников археологии Амурской области и спрашивает о результатах летних раскопок (Деревянко 1968: 288; 1975: 18).

Через год, в декабре 1942, Алексей Мачинский погибает при налёте вражеской авиации на эшелон, который он сопровождал. Этот момент достаточно подробно описан А. М. Решетовым, возможно со слов Д. А. Мачинского (Решетов 1995: 5, 18, примеч. 2).

После войны не только Алексей Мачинский не вернулся домой: его университетские друзья и коллеги по ГАИМК'у — Андрей Круглов и Юрий Подгаецкий — оба погибли, первый на фронте, а второй в блокадном Ленинграде. Кто знает, как сложилась бы судьба отечественного кавказоведения, если бы три ленинградских археолога: А. В. Мачинский, А. П. Круглов и Ю. В. Подгаецкий остались живы? А ведь их научное восхождение было прервано в самом начале...

Археологу Алексею Владимировичу Мачинскому не суждено было закончить свои работы. Они как-то рассеялись, расплылись за страшное военное пятилетие, а

может быть лежат где-то в архивах³⁹ и всё ещё ждут нашего участия. Но есть его письма, есть опубликованные статьи, редкое, но заинтересованное внимание исследователей. И память возвращается.

В 2015 году исполнилось 105 лет со дня его рождения. Дата немного неуклюжая, но дающая, возможно, и не требующийся повод. Повод для включения третьего родного имени в название нашей конференции.

---

³⁹ В Научном архиве ИИМК РАН сохранились четыре рукописных статьи А. В. Мачинского, написанные для подготовлявшегося в ИИМК перед войной коллективного труда «Всемирная История» (Древнейшие поселения...; Древняя Мексика...; Ирокезский род...; Неолит Америки...).

Список сокращений

- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
- ГАИМК НКП — Государственная академия истории материальной культуры Народного комиссариата просвещения
- ИАЭ АН СССР — Институт антропологии и этнографии Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
- ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
- ИИМК АН СССР — Институт истории материальной культуры Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
- ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- ИЭ АН СССР — Институт этнографии Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет
- ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
- МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии Российской академии наук
- ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
- РАИМК НКП — Российская академия истории материальной культуры Народного комиссариата просвещения
- РГО — Русское географическое общество
- РО НА ИИМК РАН — Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук
- СПБГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
- СПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
- ФО НА ИИМК РАН — Фотографический отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук
- ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

Архивные материалы

- Акт о разборке столов... — Акт о разборке столов Круглова А. П. и Подгаецкого Г. В. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1, 1935. Д. 68.
- Анциферов... — Анциферов Николай Павлович. Воспоминания Владимира Владимировича Мачинского (участник семинара экскурсоводов по Царскому Селу 1924–1925 гг.) // ОР РНБ. Ф. 27. Д. 395. Л. 1, 2.
- Группа участников... — Группа участников Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК. 1928 г. // ФО НА ИИМК РАН. П 76882. О.2511/9.
- Детскосельский горсовет... — Детскосельский горсовет. Списки плательщиков Чрезвычайного революционного налога за 1918 г. // ЦГА СПб. Ф. 132, Оп. 3, Д. 17. Л. 25.
- Дневник А. В. Мачинского. Греческая церковь... — Керченская археологическая экспедиция 1934 г. Дневник А. В. Мачинского. Раскопки во дворе греческой церкви. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1, 1934. Д. 332.
- Дневник А. В. Мачинского. Тиритака, раскоп 8 — Керченская археологическая экспедиция 1934 г. Тиритака. Дневник раскопа 8 // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1, 1934 г. Д. 321.
- Дневник по археологическому обследованию... — Дневник по археологическому обследованию Итум-Калинского района, записи легенд, поверий. Северо-Кавказская экспедиция ИИМК совместно с Чеченским научно-исследовательским институтом. Начальник экспедиции Круглов А. П. Чеченский отряд. Начальник отряда Мачинский А. В. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1939. Д. 58.
- Дневник работ... — Дневник работ Северо-Кавказской экспедиции. Ч. 2. Северо-Кавказская экспедиция ИИМК совместно с Чеченским научно-исследовательским институтом. Начальник экспедиции Круглов А. П. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1939. Д. 56.
- Древнейшие поселения... — Мачинский А. В. Древнейшие поселения Америки (неолит). Для Всемирной Истории // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 1133.
- Древняя Мексика... — Мачинский А. В. Древняя Мексика. Для Всемирной Истории // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 1717.
- Жизнеописание... — Жизнеописание Матвея Владимировича Мачинского // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 824. Л. 1, 1 об.
- Заявление 1935 г. — Заявление гражданки Мачинской Ольги Константиновны в НКВД от 20 октября 1935 г. // ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1339. Л. 5.
- Ирокезский род... — Мачинский А. В. Ирокезский род // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 859.

Красносельский район... — Красносельский район. Повестки на эвакуацию в Эстонию. 1943 г. // ЦГА СПб. Ф. 3355. Оп. 5. Д. 28. Л. 37.

Личное дело... 1932–1936 гг. — Личное дело А. В. Мачинского. 1932–1936 гг. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. №424.

Личное дело... 1935–39 гг. — Личное дело А. В. Мачинского, младшего научного сотрудника Отдела Южной Америки. 1935–1939 гг. // СПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. №207.

Личное дело М. В. Мачинского... — Личное дело М. В. Мачинского (профессор, заведующий кафедрой физики ЛГИ). 14 сентября 1933 г. – 11 июня 1937 г. // ЦГА СПб. Ф. 8811. Оп. 14. Д. 55.

Мачинский А. В. Дневник №1... — Мачинский А. В. Дневник №1 раскопок у с. Черемхово Ивановского района Амурской области в 1940 г. с планами и зарисовками // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1940 г. Д. 39.

Мачинский А. В. Дневник №2... — Мачинский А. В. Дневник №2 раскопок у с. Черемхово Ивановского района Амурской области в 1940 г. с планами и зарисовками // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1940 г. Д. 39.

Мачинский А. В. Статья... — Мачинский А. В. Статья в «Амурской правде» — «Из прошлого Амурской области», 1941 г., опись находок, акт передачи в Амурский музей, переписка с Артамоновым М. И., опись материалов // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1940. Д. 38.

Неолит Америки... — Мачинский А. В. Неолит Америки. Проспект для Всемирной Истории // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 1194.

О деятельности Академии... 1928 — О деятельности Академии. Ч. 1. Переписка, отчёты // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1, 1928 г. Д. 1.

О деятельности Академии... 1929 — О деятельности Академии. Ч. 1. Переписка, планы и отчёты. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1, 1929 г. Д. 1.

Отчёт о работе института... — Отчёт о работе института за 1938/39 учебный год. Ленинградский государственный педагогический институт имени М. Н. Покровского Народного комиссариата просвещения РСФСР. Учебная часть // ЦГА СПб. Ф. 4887. Оп. 2. Д. 132.

Отчёт о работе исторического факультета... — Отчёт о работе исторического факультета за 1939/40 учебный год. Ленинградский государственный педагогический институт имени М. Н. Покровского Народного комиссариата просвещения РСФСР. Учебная часть // ЦГА СПб. Ф. 4887. Оп. 2. Д. 149.

Отчет о работе Научно-Вспомогательных учреждений Академии за кварталы. Полугодие и за год. Заключение бригады обследовавшей работу за I квартал все Научно-Вспомогательные учреждения // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1, 1935 г. Д. 19.

Переписка о работе... — Переписка о работе вспомогательных учреждений Академии (библиотеки, фототеки, архива). 1934 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1, 1934 г. Д. 81.

Письмо от 1 июня 1929 г. — Письмо А. В. Мачинского к Ю. В. Подгаецкому и А. П. Круглову от 1 июня 1929 г. // Личный архив Д. А. Мачинского.

Письмо от 26 августа 1930 г. — Письмо А. В. Мачинского к А. П. Круглову от 26 августа 1930 г. // Личный архив Д. А. Мачинского.

Письмо от 27 июля 1931 г. — Письмо А. В. Мачинского к А. П. Круглову от 27 июля 1931 г. // Личный архив Д. А. Мачинского.

Письмо от 1 сентября 1931 г. — Письмо А. В. Мачинского к А. П. Круглову от 1 сентября 1931 г. // Личный архив Д. А. Мачинского.

Письмо от 21 августа 1934 г. — Письмо А. В. Мачинского к А. П. Круглову от 21 августа 1934 г. // Личный архив Д. А. Мачинского.

Письмо от 5 сентября 1934 г. — Письмо А. В. Мачинского к А. П. Круглову от 5 сентября 1934 г. // Личный архив Д. А. Мачинского.

Письмо от 14 июля 1935 г. — Письмо А. В. Мачинского к А. П. Круглову от 14 июля 1935 г. // Личный архив Д. А. Мачинского.

Письмо от 6 августа 1935 г. — Письмо А. В. Мачинского к А. П. Круглову от 6 августа 1935 г. // Личный архив Д. А. Мачинского.

Письмо от 14 августа 1939 г. — Письмо А. В. Мачинского к А. П. Круглову от 14 августа 1939 г. // Личный архив Д. А. Мачинского.

Письмо от 21 декабря 1939 г. — Письмо А. В. Мачинского к А. П. Круглову от 21 декабря 1939 г. // Личный архив Д. А. Мачинского.

Письмо от 8 января 1940 г. — Письмо А. В. Мачинского к А. П. Круглову от 8 января 1940 г. // Личный архив Д. А. Мачинского.

Письмо от 18 марта 1941 г. — Письмо А. В. Мачинского к А. П. Круглову от 18 марта 1941 г. // Личный архив Д. А. Мачинского.

Письмо от 19 марта 1941 г. — Письмо А. В. Мачинского к А. П. Круглову от 19 марта 1941 г. // Личный архив Д. А. Мачинского.

Письмо от 6 августа 1941 г. — Письмо А. В. Мачинского к Н. А. Винберг от 6 августа 1941 г. // Личный архив Д. А. Мачинского.

Планкарты сотрудников... — Институт Истории Рабовладельческого Общества. Планкарты сотрудников института и отчеты их о работе. 1934 год // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1, 1934 г. Д. 36ж.

Приказы по институту... — Приказы по институту. Том 1. Ленинградский государственный педагогический институт имени М. Н. Покровского Народного комиссариата просвещения РСФСР. Канцелярия // ЦГА СПб. Ф. 4887. Оп. 2. Д. 124.

Протоколы заседаний... — Протоколы заседаний Совета РАИМК // РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1, 1928 г. Д. 6.

Распоряжения по сектору... — Распоряжения по сектору заочного обучения института. Ленинградский государственный педагогический институт имени М. Н. Покровского Народного комиссариата просвещения РСФСР. Канцелярия // ЦГА СПб. Ф. 4887. Оп. 2. Д. 126.

Северо-Кавказская экспедиция... — Участники Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК. 1928 г. // ФО НА ИИМК РАН. П 76880. О.2511/7

Списки и характеристики... — ГАИМК имени Н. Я. Марра. Входящая и исходящая секретная переписка. Списки и характеристики на работников и переписка с учреждениями по проверке лиц при поступлении на работу в систему Академии. 1935 г. // ЦГА СПб. Ф. 7154. Оп. 1. Д. 13.

Электронные ресурсы

Выпуск... — Выпуск 1915 г. // Учащиеся и выпускники Царскосельской Императорской Николаевской гимназии. <http://tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/istorija-carskogo-sela-v-licah/uchaschiesja-i-vypuskniki-carskoselskoi-imperatorskoi-nikolaevskoi-gimnazii.html#выпуск1915>. Дата обращения: 10.02.2016.

Дитерихс... — Дитерихс Михаил Александрович // «Заклеймённые властью. Услышь их голоса». По документам фондов Государственного Архива Российской Федерации: «Московский Политический Красный Крест» (1918–1922); «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключённым» (1922–1938). Анкеты, письма, заявления политзаключенных в Московский Политический Красный Крест и Помощь политзаключенным, во ВЦИК, ВЧК-ОГПУ-НКВД (по категориям репрессированных). Дворяне: книга памяти. <http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Di.html#di.23>. Дата обращения: 10.02.2016.

Круглов Андрей Павлович... — Круглов Андрей Павлович // Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). Электронная версия. <http://memory.pvost.org/pages/kruglov.html>. Дата обращения: 03.09.2016.

Миллер (Антич) К. ... — Ксения Миллер (Антич) Донской археолог Михаил Александрович Миллер — мой отец // Интернет-сайт «Саркел». http://sarkel.ru/istoriya/donskoj_arheolog_mihail_aleksandrovich_miller_-_moj_otez/. Дата обращения: 29.08.2016.

Подгаецкий Юрий (Георгий) Владимирович... — Подгаецкий Юрий (Георгий) Владимирович // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). Электронная версия. <http://memory.pvost.org/pages/podgaetskij.html>. Дата обращения: 03.09.2016.

Семья Мачинских... — Семья Мачинских В. М., О. К. и В. В. // «Заклеймённые властью. Услышь их голоса». По документам фондов Государственного Архива Российской Федерации: «Московский Политический Красный Крест» (1918–1922); «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключённым» (1922–1938). Анкеты, письма, заявления политзаключенных в Московский Политический Красный Крест и Помощь политзаключенным, во ВЦИК, ВЧК-ОГПУ-НКВД (по категориям репрессированных). Дворяне: книга памяти. <http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Ma.html>. Дата обращения: 10.02.2016.

Протокол допроса ... — Протокол допроса Я. А. Влядих-Вейнерт от 28 марта 1931 г. из уголовного дела Н. П. Анциферова по обвинению в создании контрреволюционной группировки экскурсоводов. С. 1–3(28–30) // Проект «Рязанский мартиролог» <http://stopgulag.org/object/224628585?lc=ru>. Дата обращения: 10.02.2016.

Справочник полевых почтовых станций... — Справочник полевых почтовых станций РККА в 1941–1945 годах. <http://www.soldat.ru/pps.html>. Дата обращения: 12.09.2016.

Matwiej Maczinski... — Matwiej Maczinski // Польская Википедия. https://pl.wikipedia.org/wiki/Matwiej_Maczinski. Дата обращения: 18.08.2016.

Литература

Академическая археология... 2014 — Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2014. 416 с.

Аптекарь, Быковский 1931 — *Аптекарь В. Б., Быковский С. Н.* Современное положение на лингвистическом фронте и очередные задачи марксистов-языковедов / Известия ГАИМК. М.: Типография «Печатный двор», 1931. Т. X. Вып. 8–9. 47 с.

Ахматова 2001 — *Ахматова А. А.* Собрание сочинений в 6 томах. М.: «Эллис Лак», 2001. Т. 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. 800 с.

Весь Петроград... 1915 — Весь Петроград на 1915 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. Пг.: Издание т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1915. 884 с.

- Весь Петроград... 1917 — Весь Петроград на 1917 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. Пг.: Издание т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1917. 930 с.
- В Красном Селе... — В Красном селе // Газета «Мировое эхо». №12. Суббота, 15 августа 1942 г. С. 4.
- Год тому назад... — Год тому назад // Газета «Мировое эхо». №21. Пятница, 18 сентября 1942 г. С. 2.
- Голованов, 2007 — Голованов Я. Королёв: факты и мифы. В 2 т. М.: Фонд «Русские витязи», 2007. Т.1. 496 с. Т. 2. 704 с.
- Деревянко 1968 — Деревянко Е. И. К изучению памятников мохэской культуры на Среднем Амуре (по материалам раскопок А. В. Мачинского в с. Черемхово) // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1968. С. 287–292.
- Деревянко 1975 — Деревянко Е. И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1975. 251 с.
- Древние памятники... — Мачинский А. В. Древние памятники // Газета «Амурская правда». 10 января 1941 г.
- Железнодорожник 1904 — Железнодорожник. Еженедельный журнал. СПб.: Изд. Н. Н. Полибин, 1904. №78. 23 Ноября.
- Железнодорожник 1905 — Железнодорожник. Еженедельный журнал. СПб.: Изд. Н. Н. Полибин, 1905. №89. 8 Февраля.
- Железнодорожник 1906 — Железнодорожник. Еженедельный журнал. СПб.: Изд. Н. Н. Полибин, 1906. №12 (145). 6 Апреля.
- Заднепровская и др. 2002 — Заднепровская Т. Н., Левина Р. Ш., Мачинский Д. А. Памяти Н. А. Винберг (к 100-летию со дня рождения) // Археологические вести. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002. С. 379–385.
- Интересная находка... — Интересная находка // Газета «Амурская правда». 15 декабря 1940 г.
- Ковалевский 1971 — Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). Paris: Librairie des cinq continents, 1971. 347 с.
- Корсун 2010 — Корсун С. А. Американистика в МАЭ в XX–XXI веках: собирательская и исследовательская деятельность // Этнография и археология коренного населения Америки (Сборник МАЭ. Т.56.). СПб.: Наука, 2010. С. 5–136.
- Корсун 2015 — Корсун С. А. Американистика в Кунсткамере (1714–2014). Санкт-Петербург: Изд-во МАЭ РАН, 2015. 504 с.

- Лебедев 1992 — *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. 1970 – 1917 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 464 с.
- Мачинский 1934а — *Мачинский А. В.* Переписка Ж. Ф. Шампольона с А. Н. Олениным // Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.: Изд-во ГАИМК, 1934. № 4. С. 72–89.
- Мачинский 1934б — *Мачинский А. В.* Новейшая литература по археологии Мексики и Гватемалы // Советская этнография. 1934. № 3. С. 114–118.
- Мачинский 1935а — *Мачинский А. В.* Две заметки о технике древнеегипетского земледелия // Труды Института истории науки и техники. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1935. Сер. 1. Вып. 5. С. 251–268.
- Мачинский 1935б — *Мачинский А. В.* A propos de la gamme musicale egyptienne / Сборник Кружка по изучению древнего Востока при Государственном Эрмитаже. Л.: Издание Эрмитажа, 1935. №2 (9). С. 11–25.
- Мачинский 1941 — *Мачинский А. В.* Кабардинские курганные погребения в окрестностях г. Нальчика / Материалы по археологии Кабардино-Балкарии // Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. №3. С. 317–324.
- Мачинский 2014 — *Мачинский Д. А.* Сага об Анне. СПб.: «Нестор-История», 2014. 144 с.
- Нестеров, Волков, Алкин 2015 — *Нестеров С. П., Волков П. В., Алкин С. В.* Каменная плитка-абразив с Черемховского поселения в Западном Приамурье // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 43. №4. Октябрь-декабрь 2015. С. 63–71.
- Новиков-Даурский 1961 — *Новиков-Даурский Г. С.* Историко-археологические очерки. Статьи. Воспоминания. Благовещенск: Амурское книжное изд-во, 1961. 190 с.
- Памятная книжка... 1910 — *Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1910 г.* С приложением плана г. Калуги. Калуга: Типо-Литография Губернского Правления, 1910. 185 с.
- Платонова 2010 — *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: «Нестор-История», 2010. 316 с.
- Решетов 1995 — *Решетов А. М.* Отдание долга. Часть II. Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР — воинов Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. М.: Наука, 1995. №3. С. 3–20.
- Родственники ищут... — *Родственники ищут* // Газета «Северное слово». №38 (130). Пятница, 2 апреля 1943 г. С. 3.
- Российское зарубежье..., 2010 — *Российское зарубежье во Франции 1919–2000.* Биографический словарь в 3-х томах. М.: Наука, 2010. Т. 2. 685 с.

- Сарданашвили 2010 — *Сарданашвили Г. А.* Дмитрий Иваненко — суперзвезда советской физики. Ненаписанные мемуары. М.: УРСС, 2010. 271 с.
- Страницы... 1992 — Страницы отечественного кавказоведения. М.: Наука. 222 с.
- Судьба учёного... 2000 — Судьба учёного. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. Сборник материалов. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2000. 280 с.
- Султанбеков 2002 — *Султанбеков Б.* Расстрелян как террорист (по страницам следственного дела историка Михаила Худякова) // Эхо веков. Казань, 2002. №1/2. С. 107–125.
- Тихонов 2003 — *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете: историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 332 с.
- Френкель, Чернин 1989 — *Френкель В. Я.*, *Чернин А. Д.* Возвращается Г. А. Гамов // Природа. 1989. №9. С. 82–102.